

A close-up photograph of a woman's face, partially obscured by the fine, radial metal grille of a vintage electric fan. The woman has dark hair and is wearing a white garment. Her eyes are looking directly at the camera, and her mouth is slightly open. The lighting is soft, creating a moody and intimate atmosphere. The fan's central hub is visible on the right side of the frame.

Держи свое счастье двумя руками!

Свадьба
собаки на сене

Роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Счастливый билет

Наталия Миронина

Свадьба собаки на сене

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронина Н.

Свадьба собаки на сене / Н. Миронина — «Эксмо»,
2016 — (Счастливый билет)

ISBN 978-5-699-90865-3

С детства сестры Инна и Варя влюблены в Вадима Сорокко. Он красив, умен, прекрасно воспитан – просто мужчина мечты. И он, и его друг Толя Лукин очарованы старшей, Варей. Давая авансы Вадиму и не отпуская его от себя, старшенькая... выходит замуж за Толю. Младшая завидует, страдает – а встретив однажды Вадима, хоть на одну ночь увлекает его в свои объятия... Рождается сын, о котором Сорокко ничего не знает. И вдруг, через много лет, этот сын получает странное приглашение в Амстердам. Такое же предложение – участвовать в обнародовании завещания – приходит и Варваре...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90865-3

© Миронина Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая	7
Друзья и ближайшие родственники	7
Запутанные отношения	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталия Миронина

Свадьба собаки на сене

© Миронина Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

В Амстердаме в это время года стоит изумительная погода. Природа в преддверии зимы, ветров и штормов затихает, замирает и радуется неожиданной лаской. И деревья в парках словно готовятся распусться, и трава зеленая выглядит помолодевшей, и воды каналов пахнут не студено, а почти по-летнему – тиной, илом, мокрым песком. В Амстердаме в это время оживленно и празднично – словно все торопится ухватить кусочек счастья в виде солнца. Улицам тесно от кофейных столиков, и велосипеды, словно саранча, оккупировали узкие проходы мостов. В это время Амстердам особенно счастлив. Во всяком случае, на первый взгляд.

В этот день похоронили Вадима Сорокко, а потому в его доме было шумно и весело. С кладбища все вернулись в четыре дня. Раскрасневшиеся от неожиданного солнца и ветра, подуставшие от длинной церемонии, мужчины и женщины с удовольствием теперь осваивали эту маленькую гостиную. Мужчины с бокалами в руках бродили вдоль стен и разглядывали многочисленные фотографии и картины, поочередно громко восклицали, указывая на явно дорогие полотна, смеялись над забавными снимками и пытались прочесть почтовые открытки, взятые в маленькие рамки. Они не делали вид, что опечалены, наоборот, разговоры их принимали все более непринужденный, почти веселый тон. Женщины, которых было большинство, уже сняли темные шляпки, расстегнули строгие жакеты и, удобно расположившись в креслах, громко обсуждали русского, так непривычно обставившего собственную кончину.

– Пожалуйста, подайте мне вот это! – Одна из дам указала на большую сухарницу.

– Это – хво-ро-ст, – пояснила другая, произнося русское слово почти правильно.

– Это у них едят в такой день?! – осведомилась третья.

– Нет, в такой день они едят блины. А это любимое печенье господина Сорокко. У него дома, в России, такое готовили, – пояснила третья со знанием дела.

– Русские очень странные. И забавные.

– Не более чем мы, – рассмеялся кто-то. – Случись кому-то из нас жить в России, нашим привычкам тоже бы удивлялись!

– Да, но все же, все же почему он написал такое завещание? И почему указал, чтобы никто не грустил? Это странно.

– Я думала, что русские – скорее грустные, чем веселые. Во всех фильмах они плачут. И поют.

– Да, плачут по любому поводу.

– Странное сочетание. Петь и плакать, – задумчиво произнесла одна из дам.

Сей же час разговор принял общий характер. Подключились мужчины, да и остальные дамы поспешили вставить свое слово. И гостиная покойного опять наполнилась шумом.

– А вы получали приглашение? – прозвучал вдруг громкий вопрос.

– Да, а как же! Мы все получили приглашения. Мы удивились!

– Еще бы! Приглашения на похороны. От покойника. Это по-русски, думаете?

– Господи, совершенно ни при чем национальность! Сорокко давно здесь жил. Даже дольше, чем некоторые из нас. Здесь другое. Он хотел удивить нас.

– То есть вы думаете, что это – не простая учтивость?

– Где вы встречали учтивость такого рода? Приглашение на собственные похороны.

– Я работал с Сорокко. Он был пунктуален, предупредителен, вежлив. И был очень обаятельным. Кстати, русские – и учтивы, и предусмотрительны. – Один из гостей как бы подытожил разговор.

«Жаль, что не стало такого хорошего соседа», – утвердилось всеобщее мнение о покойном.

Всех этих людей, знавших Вадима Сорокко много лет, ждала печаль и грусть. Печаль, потому что такой умный и приятный, веселый и радушный человек покинул их. Грусть, оттого что, как ни приказывай быть веселым в день прощания, все равно потеря, конец не может не задеть сердце. Почувствуют они это позже, когда пройдут недели, а может, и месяцы. Когда они не встретят его в церкви, не раскланяются на улице, когда партия в бридж состоится без него. Хотя соседи, забывшись, прождут его полвечера.

– У него есть кто-то из родственников? – Вопрос прозвучал не по-европейски заинтересованно. В этих местах обычно лишнего не спрашивали, в чужие дела не вмешивались даже взглядом. Но этот русский был таким странным, таким необычным, таким обаятельным и загадочным, что соседи в этот день позволили себе лишнего.

– В Голландии – никого.

– А с Россией он связь не поддерживал. Во всяком случае, я не помню, чтобы он хоть раз упомянул кого-то, – вспомнила одна гостья.

– Да, совершенно точно. Никогда, – подтвердил еще кто-то.

– Странно! – с каким-то возмущением посмотрел на собравшихся господин в бабочке.

– Что именно?

– Все странно. И эти веселые похороны. И это все... – Господин в бабочке обвел рукой комнату, наполненную разнообразными предметами.

– Не ломайте голову. Он нам никогда уже ничего не расскажет. А мы никогда не угадаем, – рассмеялся его сосед. Его смешок подхватил другой, потом они вдруг вспомнили забавный случай с участием покойного, а потом подали кофе и бутерброды, и в гостиной наступила уютная вечерняя атмосфера. Казалось, присутствующие уже не помнили, где и как они провели утро.

Озабоченным сейчас выглядел только нотариус Лойк. Ему, как никому другому, было понятно, что сегодняшний вечер совсем не конец. Его практика душеприказчика подсказывала безошибочное – в определенном смысле конец есть не что иное, как начало. Начало не только новых поворотов в родственных и семейных отношениях, но и начало новой, другой, на первый взгляд чужой жизни. Но это только на первый взгляд. «А почему похороны веселые? А что уж плакать, когда поменять ничего нельзя!» – Нотариус Лойк даже не заметил двусмысленности этого вывода. Впрочем, своими соображениями он ни с кем не делился. Деликатная профессия превратила его в сейф с мыслями и догадками.

Собравшиеся тем временем все с большим возбуждением вспоминали покойного. И уже было произнесено столько хороших и добрых слов, столько похвал и столько признаний, что, будь покойный живым, его уши горели бы от смущения. Друзья и знакомые словно торопились сделать то, что вполне могли сделать при жизни, да не догадались. Так часто бывает – невозвратность обнаруживает в нас подлинное великодушие и внимание.

Часть первая Улица Ордынка

Друзья и ближайшие родственники

Эта история началась в одна тысяча девятьсот сорок девятом году, когда красавица Маруся вышла замуж за Петра Никаноровича, ученого-химика, профессора одного из столичных вузов и автора многочисленных трудов по проблемам синтеза белковых соединений. Петр Никанорович был статным седовласым мужчиной с красивым открытым лицом. Возраста он был зрелого, близкого к пожилому, но хорошая форма, веселый нрав и тяга к физическим экзерсисам делали его притягательным для дам. Сам Петр Никанорович уже давно никаких дам не замечал, кроме одной – невесты своего ближайшего друга. Невесту звали Марусей, и главными особенностями ее были: нежная кожа, почти фарфоровая, и глаза. Удивительные глаза цвета предгрозового неба. Того самого неба, которое можно наблюдать над московскими улицами в конце июня. Того неба, которое иногда пугает, иногда изумляет, но всегда вызывает трепет и немой возглас: «Красиво-то как!»

Вот эти самые глаза в первую очередь и сыграли свою роковую роль.

– Я отобью у тебя Марусю! – честно предупредил Петр Никанорович друга.

Петр Никанорович был вообще человеком честным, прямодушным, не терпящим экивоков. Старый верный друг был ему дорог, но глаза цвета летней грозы оказались дороже.

– Попробуй, – флегматично откликнулся друг. – Маруся без пяти минут жена. Моя, моя жена. Прошу это запомнить.

– Отобью. Ты потом не обижайся, – повторил Петр Никанорович и ринулся в бой.

Маруся оглянуться не успела, как полюбила этого огромного и шумного человека. При этом, надо заметить, нрава Маруся была строгого. Видимо, обаяние Петра Никаноровича, его жизнелюбие и честность были очень убедительны.

– Судьба. От судьбы не уйдешь! – твердили все вокруг.

И только Петр Никанорович усмехался:

– Какая там судьба? Обычная человеческая целеустремленность.

Свадьба была такой громкой и пышной, что сотрудникам ресторана «Прага» пришлось дополнительно завести столовые приборы, скатерти и нанять дополнительно официантов. Платье невеста шила в знаменитом ателье номер пятьдесят. Невиданный тогда французский гипюр и кремовый атлас перемешали, наметали, отстрочили и получили нечто волшебное. Маруся, глядя на себя в зеркало, вспомнила сказку про принцев и принцесс. Впрочем, «принц», Петр Никанорович, был недоволен – к такому великолепию невозможно было подобрать фату и туфли. Но недовольство для него было лишь поводом проявить энергию. Накануне свадьбы жених слетал в командировку на научный симпозиум, который проходил в Праге, и вернулся оттуда с многочисленными положительными отзывами на свой доклад, фатой и туфлями. Гуляли день и ночь напролет, съели килограммы икры и балыка, десятки расстегаев и выпили океан шампанского и массандровских вин. Этакое изобилие было обеспечено тоже женихом. Будучи человеком в годах и безумно влюбленным в свою молодую невесту, Петр Никанорович желал обставить событие как можно достойнее. У него это получилось – в Москве потом еще очень долго вспоминали это торжество.

Через некоторое время семья уже состояла из четырех человек и обживала огромную квартиру в «доме со львами» в районе Ордынки. Дом был построен в том стиле, который потом называли сталинским ампиrom. Здание было величественным – три многоэтажных крыла, три

корпуса, соединенные между собой стрельчатыми переходами, словно это был не жилой дом, а замок. Поражали воображение огромные лестничные площадки, овальные окна и балконы, похожие террасы. Знаменитые каменные львы встречали жильцов у ворот – огромный двор был огорожен вычурным чугунным забором.

– Петя, господи, неужели здесь мы будем жить?! – восклицала Маруся.

– И мы, и наши дети! – отвечал Петр Никанорович и жалобно просил: – Муся, в следующий раз роди мальчика. Я ума не приложу, что делать с девицами. С ними на рыбалку не поедешь и футбол не посмотришь.

Маруся ничего не отвечала. Во-первых, пока она вообще рожать не собиралась, а во-вторых, ее муж, как всегда, приbedнялся. Он отлично справлялся с отцовскими обязанностями. Две дочери, получившие незамысловатые прозвища Старшенькая и Младшенькая, усмиряемые няней, пока громко делили большую детскую, а Петр Никанорович, пытался объяснить им, что теперь они самые близкие люди и никого на свете роднее нет и что поэтому нельзя ссориться из-за ленточек, мячиков и пирожных.

– Девоньки, вы даже не представляете, как вы будете любить друг друга в старости. Вы даже не представляете, как вы дороги друг другу будете. Черт с ними, с этими игрушками. Не ссорьтесь!

Маруся однажды это слышала:

– Петя, они тебя не понимают. Они еще маленькие. Им даже в голову не приходит, что когда-нибудь они будут такими, как мы. Не говоря уже о том, чтобы стать старушками.

– Ничего, – упрямо отвечал отец, – пусть усваивают это с малолетства.

Девочки росли, ссорились реже, очень любили отца, чувствуя в нем всепрощающую любовь, и побаивались мать. Маруся воспитывала дочерей и неустанно хлопотала по дому – в помощь ей была предоставлена домработница. Но генеральные уборки Маруся проводила сама, и еще сама штопала белье и шила дочерям платья.

– Муся, все можно достать. И платья, и пальто девочкам, – говорил ей муж.

В те времена «достать» было проще, чем купить. Но Маруся предпочитала одевать детей в оригинальные вещи. Идеальная хозяйка, она еще носилась по городу в поисках люстр, торшеров и приличной мебели – домашний интерьер был предметом особого беспокойства.

– Муся, не волнуйся, все достанем! – опять успокаивал любимую жену Петр Никанорович.

И он не обманывал – интуиция и упорство ученого в нем удивительным образом сочетались с деловой хваткой. Петр Никанорович умудрялся доставать трофейные комоды, лампы и ковры. Ко всему прочему, Петр Никанорович понимал, что годы его не те, чтобы медлить с обустройством жизни. Он добился Маруси, этой красавицы с пепельными волосами и почти фиалковыми глазами. Добился, несмотря на разницу в возрасте. Безумная поздняя страсть не помешала, а может, и помогла, сделать ему еще несколько больших шагов в карьере ученого – он стал академиком, депутатом, вошел в различные влиятельные комиссии и комитеты, но все это время он думал о том, что рано или поздно его любимая семья останется одна, без его поддержки. Будучи одновременно человеком и практичным, и душевным, Петр Никанорович мучился от сознания того, что не в состоянии решить наперед все проблемы, с которыми могут столкнуться его любимые домочадцы, когда его не станет.

– Петя, это похоже на идею фикс. Причем не самую безобидную, – говорила Маруся, когда муж начинал вслух вздыхать по этому поводу.

– У тебя отличное здоровье, слава богу. Вон, скоро девчонок будем замуж выдавать! – добавляла она.

Маруся, успокаивая мужа, несколько торопила события. Старшенькая и Младшенькая еще учились в школе. К страхам мужа Маруся старалась не прислушиваться, а вот дочери ее беспокоили. Между ними была небольшая разница в возрасте – неполные три года. Но эта

разница сделала их ярыми соперницами. Впрочем, соперничество наблюдалось и в раннем возрасте, но тогда все выглядело вполне невинно. Разве что кукол друг от друга прятали или рев из-за заколки красивой поднимали. Сейчас все обстояло серьезнее. Обе дочери походили на Марусю, но ее красота меж девочек распределилась как-то странно. Старшенькая была почти некрасивой, но с фиалковыми глазами, а Младшенькая – красавицей, на лице которой сияли все те же фиалковые глаза. Маруся Старшенькую опекала и пыталась как-то подбодрить, пока, к своему удивлению, не заметила, что мальчики стараются дружить с некрасивой, со старшей. В то время как младшая пребывает либо в гордом одиночестве, либо в компании подружек из числа тех, кто, не пользуясь успехом у мальчиков, сбивается в злые стайки.

– Петя, ты о глупостях не думай, давай решать, как наших дочерей подружить, – как-то сказала Маруся, еле сдерживая слезы. Сестры ссорились почти ежедневно, находя пустяковые причины. Но в тот день Маруся имела глупость купить туфли разного цвета. «А как я должна была поступить? Если бы туфли были одинаковые – воплей было бы еще больше. А теперь младшая обижается, что у нее не красные, а синие!»

Петр Никанорович не знал, как влиять на подрастающих девиц. Он любил их обеих, и переживал за них одинаково, и счастья, как и красивых туфель, желал обеим. Но усталость, которая все чаще теперь сопутствовала ему, подсказывала, что вовсе не туфлями надо заниматься.

– Маруся, давай-ка разменяем эту квартиру, – как-то сказал он.

Маруся мужа слушалась – она его любила и доверяла ему. Но этот дом, эта квартира была смыслом всей ее жизни. Здесь не было ни одного случайного предмета, ни одной случайной салфетки. Здесь было все тщательно подобрано и расставлено. Маруся, даже будучи молодой, представляла, что в этом доме пройдет вся жизнь ее семьи и этот же дом станет конечным пунктом ее пути. Отсюда рано или поздно уедут дочери, сюда они будут привозить внуков, здесь, в этих стенах, они с мужем будут проводить тихие стариковские будни.

Есть такая категория людей – они не боятся думать, что их жизнь будет походить на жизнь предыдущих поколений. Маруся относилась именно к ним. Жизнь ее бабушки, старость родителей, ее собственная будущая старость в ее понимании должны были очень мало отличаться друг от друга. К тому же Маруся имела счастливый характер – все предстоящее воспринималось ею не с покорностью, но с терпением и пониманием. И вот сейчас получалось, что она очень рано привыкла к месту.

– Петя, зачем? Пусть все останется как есть. Это уже все наше.

– Нет, я вижу, что дальше будет тяжелее и тяжелее, – только и ответил Петр Никанорович. На этот раз он был упрям: – Неизвестно, как сложится их жизнь. Они обе будут хорошенькими, даже красивыми, но смотри, как старшая обходит на поворотах младшую. Нет, Маруся, надо все делать вовремя, а потому принеси мне телефон, маклеру хочу позвонить.

Маруся только вздохнула и, размотав длинный провод, поставила перед мужем тяжелый черный аппарат.

Тогда, в середине шестидесятых годов двадцатого века, маклер, которого сегодня мы назовем риэлтором, был этаким кузнецом счастья. Он был всемогущ, как бог, и уязвим, как черепаха без панциря. Маклер, занимающийся обменом квартир, мог сделать семью счастливой, соединив две «однушки» в «двушку», где молодая семья могла спокойно подумать о детях. Маклер мог разменять квартиру и опять же сделать ее обитателей счастливыми, избавив от вражды между невесткой и свекровью или между тещей и зятем. Маклер мог, наконец, сделать так, чтобы только что разведенные и ненавидящие друг друга люди занялись поиском нового счастья, разъехавшись по своим углам и залечив раны. Одним словом, как ни крути, маклер ковал счастье. Доход за свою благородную деятельность маклер не афишировал, но все равно был уязвим для определенного рода жалобщиков. У Петра Никаноровича был свой проверенный человек, который при желании, казалось, мог расселить всю высотку на площади Восста-

ния. «Ты же знаешь мою ситуацию, Георгий, ты уж постарайся!» – только и молвил Петр Никанорович. Маклер тут же его понял и начал работать.

Прошло всего семь месяцев, и семья уже могла переезжать. Маклер Георгий сделал невозможное – Петр Никанорович, Маруся и их дочери стали владельцами двух квартир в этом же самом доме, но в разных его концах. А так как дом был огромен, занимал почти два квартала, можно было считать, что квартиры находятся в разных домах. Маруся несколько растерянно осматривала новую жилплощадь и тихо вздыхала. Ей приходилось начинать все сначала – мебель, занавески, ковры, посуда. Одна из квартир была большой – несколько комнат, большая прихожая, кладовая. Правда, окнами она выходила на шумное Садовое кольцо. Вторая – меньше, а потому уютнее. Окнами она выходила в тихий двор, а балкон смотрел в сторону Балчуга. Маруся понимала, что теперь обладает богатством, которое унаследуют дочери.

– Вот видишь, – сказал, улыбаясь, Петр Никанорович, – а говорила, что обойдемся без доплаты. Без доплаты, мы и половины этого не имели бы.

– Мне было жаль продавать твою машину, – улыбнулась Маруся, – ты так ее любил.

– Ничего страшного, есть служебная. И ездить мне самому трудно стало. Так что все очень удачно получилось.

Петр Никанорович действительно был доволен обменом – дочерям в будущем должны были достаться две хорошие квартиры в центре Москвы.

«И как же мы их делить-то теперь будем?! Кто куда поедет. Старшенькая с Младшенькой передерутся же!» – подумала про себя Маруся, но виду не показала. Муж плохо себя чувствовал и держался из последних сил, чтобы довести дело до конца. Решено было, что пока жить все будут в одной квартире. А как только кто-то из дочерей сыграет свадьбу, то отселится.

Между тем события в доме принимали угрожающий поворот. Только переезд с его хлопотами отвлек Старшенькую и Младшенькую от междоусобной войны. Впрочем, чтобы понять происходящее, необходимо повнимательней приглядеться к сестрам.

Три года – это только в детстве очень много. Пятилетний ребенок вполне может помочь трехлетнему: почитать ему книжку, вытереть нос или рассказать сказку. Старшенькая, будучи ребенком спокойным, успевала уделять внимание младшей сестре. Маруся радовалась этому обстоятельству, но когда девочки пошли в школу, выяснилось, что младшая авторитет старшей не признает и слушаться не хочет.

– Мама, она старше меня всего на три года! Она не может мной командовать! – возмущалась младшая.

– Она не командует. Она помогает тебе, – урезонивала Марусю дочь.

– Она не помогает, она только воображает. Я не буду с ней ходить в школу.

Характер у младшей был суровый. После этого разговора она вышла из дома с сестрой, но сбежала от нее за первым же поворотом. Старшая, испугавшись, вместо того чтобы вернуться и все рассказать родителям, принялась искать сестру. Она обшарила все укромные места, все подвалы, где они иногда прятались от соседских мальчишек, все подъезды их огромного дома, детские площадки и даже заглянула в булочную. Не найдя сестру, старшая остановилась посреди дороги и громко заплакала. Соседи привели ее домой, где мать сначала хотела ее отругать, а потом, увидев, что дочь сама не своя от испуга, стала успокаивать.

– Я ее потеряла! – рыдала безостановочно девочка.

– Что ты потеряла? – переспрашивала все время мать, но ответа не слышала. Видимо, очень страшно было произнести вслух, что потерялась не vareжка, не шапка, не что-то еще, а живая, родная сестра. Наконец, когда вместо всхлипов послышалась икота, Старшенькая вымолвила:

– Я ее потеряла, когда в школу шли, она была рядом, а потом исчезла...

– Ты сестру потеряла?! – воскликнула громко мать, и виновница, истолковав по-своему ее возглас, захлебнулась в крике.

– Подожди, не плачь! Тая, – крикнула она домработнице, – принесите же воды!

Подали стакан с водой, которую тут же дочка разлила по полу – руки у нее ходили ходунком.

– Не плачь! Она дома, пришла раньше. Их отпустили с уроков. Сейчас она у соседей, у Виноградовых. Занимается музыкой. – Мать вытерла дочке лицо, поцеловала. – Что ты такое выдумала?! Может, у тебя температура?

Старшенькая так внезапно перестала плакать и так внезапно успокоилась, что домашние разволновались еще больше. Ее напоили молоком с медом, зачем-то заставили переодеться в пижаму и разрешили не делать уроки, а почитать книжку.

– Мам, можно я на вашу кровать лягу? – спросила Старшенькая. Это было самое большое удовольствие – лежать на широкой постели, среди огромных, украшенных белым шитьем подушек, и чувствовать себя «принцессой на горошине».

– Можно, – растерянно разрешила мать, а сама подумала, что в этой истории надо разобраться. Она уже не раз замечала, что младшая сестра пытается насолить старшей. Причем все проделки ею тщательно скрываются, и перед родителями она предстает с ясными, невинными очами.

– Ты представляешь, она убежала от нее. Спряталась, а потом спокойно одна пошла в школу. А Старшенькая бегала по всему району и искала сестру! В школу не пошла. Прибежала только через несколько часов, напуганная. А эта как ни в чем не бывало отучилась в школе два урока и вернулась домой. Сказала, что их отпустили раньше и что Старшенькая знает, что она идет домой. – Маруся вечером жаловалась мужу. Петр Никанорович слушал и огорчился – чем ближе была его старость, тем больше хлопот доставляли дочери. Не было в их отношениях той родственной дружбы, которая становится потом основой взрослых отношений.

– Ты объяснила ей, что это плохо? Что нельзя так доводить сестру?

– Объяснила, – Маруся вздохнула, – но ты знаешь, что она ответила мне?

– Что же?

– Что она ей мешает. Представляешь? Старшенькая ей мешает.

Временами вражда утихала. Это происходило в те моменты, когда младшей сестре удавалось вырваться вперед. Например, когда она на «отлично» сдавала экзамен, или получала грамоту, или побеждала на школьных соревнованиях. Ее успех гарантировал кратковременное перемирие и даже дружбу. Старшая сестра была разумнее и добрее, а потому она без устали попадалась на эту удочку – ей казалось, что младшая мирится с ней уже окончательно и навсегда. Наивность была свойственна старшей, но младшая была непостоянной и коварной. Удачи сестры опять будили ревность, и вражда с мелкими детскими пакостями опять воцарялась в их комнате, которую по привычке называли детской.

Родители имели все основания гордиться старшей дочерью. Та росла спокойной и очень внимательной. Это качество – внимание, а точнее, внимательность, – позволяло ей избегать горячих, необдуманных поступков. Даже в самом раннем возрасте, и уж тем более в подростковом, Старшенькая практически не имела конфликтов. Она никогда не спешила обзывать какую-нибудь подругу дурой или пожаловаться матери на несправедливость со стороны учителей. Она сначала все обдумывала и при этом старалась, чтобы ни одна деталь не ускользнула от ее внимания. Через некоторое время Маруся могла услышать следующее:

– Мама, я думала, что (далее шло имя девочки из класса) специально меня обижает, а теперь понимаю, что это у нее получается случайно. Ей не нравится, что меня посадили с (далее шло имя мальчика-одноклассника).

Эта нехитрая, не очень детская философия умиляла Марусю. Тем более что тут же была Младшенькая, которая умудрялась поссориться из-за пустяка, из-за мелочи. Младшенькая

обижалась с ходу и готова была в обидчике, мнимом или действительном, видеть сразу закланного врага.

Старшенькая прекрасно училась, но при этом она не была отличницей. Она училась на четверки, и случались у нее тройки, но она получала удовольствие от познавательного процесса, и этого не могли не замечать учителя.

– У нее пытливый ум. Она не только учит, но и хочет проверить знания на практике, – сказали как-то в школе. – А это очень важно. Это дорогого стоит.

Петр Никанорович с довольным видом посмеивался – он, как ученый, знал разницу между отличниками-статистами и теми, кто до всего доходит эмпирическим путем.

Старшенькая умела ладить с малышами, исключение составляла только ее собственная сестра. Младшенькая, пользуясь сознательностью, ответственностью и уступчивостью старшей, иногда была просто жестока.

Впрочем, когда Старшенькой исполнилось семнадцать лет, младшая помирилась с ней. Помирилась навсегда. Помирилась, подружилась, и они стали почти неразлучны. Во всяком случае, так казалось со стороны и так очень хотелось родителям. Маруся внимательно приглядывалась к переменам, которые случились, и радовалась.

– Петя, ну наконец-то они повзрослели!

А дочери действительно повзрослели.

Всю неделю класс собирал деньги на подарки мальчикам. Двадцать третье февраля было решено отметить большим танцевальным вечером. Активисты десятого класса сходили к директору школы, выпросили ключи от актового зала, пообещали, что музыка будет тихая и приличная.

– Ничего предосудительного не будет, – три раза кряду важно повторила староста класса Любарская. – И еще мы принесем угощение. На уроке домоводства испечем печенье. А из напитков будут компоты, которые мы сами делали тоже на уроках домоводства.

Это все, видимо, на директора произвело впечатление – не какая-то там вечеринка, а выставка достижений ученического труда.

– Хорошо, только чтобы присутствовали родители. За порядком смотрели, чтобы ученики курить не бегали, ну и прочее...

Девочки ликовали – актовый зал находился на пятом этаже школы. Дежурные по школе туда если и забредут, то раз за вечер. Родителей, которые смотрели бы за порядком, надо будет пригласить самых либеральных. Тогда можно будет танцевать сколько угодно, слушать любую музыку, ну и вообще чувствовать себя свободно...

– Девочки, я сестру приведу? Не возражаете? – Старшенькая была уверена, что никто не будет против.

– Конечно, – ответили одноклассницы в один голос, – приводи. И главное, сама приходи.

Старшенькая улыбнулась – всегда приятно такое слышать, а особенно от подруг, которые уже в десятом классе стали немного соперницами. Однако к ней такого отношения не было. Конечно, сначала в голову приходило самое неприятное объяснение – она была не очень красива и серьезной конкуренции не составляла. Но в ее случае дело было в другом. Старшенькая удивительным образом вписывалась в любую компанию. Она не лезла вперед, не старалась никого затмить, она умела поддержать такой разговор, который был интересен всем, в том числе и мальчикам. Это последнее обстоятельство было особенно важно. Находиться рядом со Старшенькой означало находиться в гуще большой компании, где были красивые и умные ребята.

Сестры собирались на вечер под присмотром Маруси. Мать точно знала, что никакой вольности ее дочери не позволят себе.

– Постарайтесь не надевать много украшений, – напутствовала она их. – Сейчас в моду вошли пластмассовые. Мне они не нравятся. Уж лучше одно колечко из серебра, чем эти россыпи бус, которые выглядят дешево и вульгарно.

Или говорила что-то подобное:

– Чем короче рукав и больше декольте, тем длиннее юбка.

Понятно, что дочерям было еще далеко до декольте, но обучение надо было начинать загодя.

Дочери слушали и боролись за наряды Маруси:

– Мама, я возьму твой жакет?

– Можно, сумочку черную, плетеную?

Как правило, вкусы, а следовательно, просьбы совпадали. Маруся напрягалась, но старшая в последний момент всегда уступала.

– Ты молодец. Так и надо. Она повзрослеет и все поймет, она тоже тебе будет уступать, – сказал как-то Петр Никанорович Старшенькой.

Та кивнула, соглашаясь, но отец уловил сомнение:

– Что?

– Нет, папа, она не будет уступать. У нее такой характер. Уступать всегда буду я.

Вот и сейчас, перед вечером, Старшенькая согласилась надеть белую гипюровую блузку, в которой уже когда-то ходила в школу, уступив Младшенькой короткое платье из джерси.

– Хорошо, что мы все носим почти одинаковый размер, – рассмеялась старшая, стараясь скрыть разочарование.

– Я худее тебя, – тут же вставила младшая, но потом добавила: – Но у тебя хорошая фигура.

Маруся наблюдала за повзрослевшими дочерьми и пыталась определить их характеры.

Старшая была спокойна и выдержанна – в ней не было той самой девичьей суеты, которая мешает разглядеть весь облик. Она не говорила лишнего, не кривлялась от смущения. Смущения, впрочем, вообще в ней не было никакого. Она не улыбалась без причины, но при этом смотрела на окружающих доброжелательно, и чувствовалось, что она человек позитивный. С ней хотелось заговорить – вела она себя как взрослая, была сдержанной, начитанной. «Странно, что никто особо не уделял внимания ее чтению, но она книги словно проглатывает и умеет выбрать хорошие», – Маруся всегда удивлялась выбору старшей. О манере одеваться говорить было сложно – девочки носили то, что предлагала мать. А Маруся старалась, чтобы дочери выглядели модно. Старшенькая любила наряжаться и делала это умело, не перебарщивая с деталями. Общее впечатление о старшей было приятное.

С младшей дело обстояло иначе. При очень интересной внешности – тонкие черты лица и фиалковые глаза – она вела себя крайне неуверенно. В ее походке, движении был какой-то излом. Какое-то вечное стремление посмотреть на себя со стороны, а это приводило к жеманным гримасам и нелепым жестам: долгим взглядам, многозначительности пустых фраз, живописным и оттого смешным позам.

– Не кривляйся, – однажды не выдержала Маруся, – веди себя естественно. Следи за собой. Будь проще.

Маруся это сказала и пожалела, потому что младшая, ко всему прочему, была мнительной и плаксивой.

– Вы меня не любите, вы сами виноваты, что я такая, а теперь делаете мне замечания. – Дочь дулась и плакала.

Маруся удивилась этим словам – они с Петром Никаноровичем никогда ничему подобному не учили детей. И отношения в доме были лишены мелодраматизма. Ну да, история их сватовства и женитьбы была очень романтической, но романтика закончилась, когда появилось

большое и сложное хозяйство. Маруся любила мужа, однако всегда сдерживала себя в проявлениях чувств.

Надо быть повнимательней к ней, думала мать и пыталась решить еще одну задачу. Дело в том, что младшая была крайне необязательной. Пообещать и не сделать, запланировать и забыть, начать и не закончить – это у Младшенькой считалось нормой.

– Послушай, зачем ты это говорила тогда? Зачем ты выступила с этим предложением в школе? – Маруся пришла со школьного собрания, где ей попеняли на то, что дочь сорвала субботник, ею же инициированный.

– Мама, ну, подумаешь! У меня тогда контрольные пошли, и музыка, – без всякого чувства вины отвечала дочь.

– Ты даже не понимаешь, что это не только не красиво, это еще и смешно. Нельзя быть человеком, о котором говорят, что он умеет только болтать! – Марусе было бы даже легче, если бы пожаловались на плохую успеваемость дочери.

– Поговори с ней, – попросила она мужа, – ей же придется учиться в институте и работать. А на работе такое не потерпят.

– Поговорю, – пообещал Петр Никанорович и не поговорил. Он не забыл, он почувствовал, что младшая дочь и так все время чувствует себя виноватой. Он давно заметил, что дочь находится в «ножницах» – между амбициями и результатами своих поступков. Она хочет быть лучше. Однако у нее не получается. И чувство вины от этих, как ей кажется, больших неудач составляет основу ее переживаний.

– Погоди, не дави на нее. «Выпрямится», сейчас такой возраст! – успокаивал Петр Никанорович жену. Маруся не давила, только пыталась слегка «подправить» характер.

В актовом зале царил тот беспорядок, который обычно предвещает любую вечеринку. В углу была свалена верхняя одежда, выстроилась зимняя обувь – девочки уже переодели туфли и теперь двигались по паркету преувеличенно осторожно, стараясь обратить на себя внимание тех ребят, которые пришли раньше положенного времени. Впрочем, это старание было формальным – отношением этих ребят обычно пренебрегали. Ждали других, которые запросто опаздывали и вели себя немного пренебрежительно.

На сцене актового зала валялся старый плакат – поздравление с Новым годом – и остатки мишуры. Вместо них к заднику прикрепили большой транспарант, на котором было написано: «Слава будущим воинам». Плотные шторы украсили воздушными шариками. Отдельно, в стороне, поставили парту с магнитофоном и проигрывателем, рядом положили пластинки.

– Девочки, а куда делся Снегирев? Обещал раньше прийти, уже почти шесть, а его нет, – раздался голос старосты Любарской.

– Зачем он тебе? – прокричал кто-то.

– Как? Он за музыку отвечает, – ответила староста, и все стали громко звать Снегирева, словно он мог прятаться за спинками кресел. В зале стало шумно – девочек веселил любой пустяк. И смех у них сегодня был необычный, словно отсутствие школьной формы сделало его беззаботным и звонким. Девочки готовили бутерброды, нарезали торты, раскладывали печенье. Каждая хотела показать себя хозяйкой.

Сестры поднялись в зал, когда там вовсю кипела работа – девочки заканчивали расставлять на столах чашки и раскладывать открытки.

– Пошли поможем. – Старшенькая подтолкнула младшую.

Но та от работы увильнула и направилась к большим зеркалам, там она и провела все время, пока в зале не появились ребята. Мальчики входили группками, смущенно улыбаясь, хотя давно узнали все секреты – и про концерт, подготовленный девочками, и про подарки, и про угощение. Самые бойкие пронесли в зал бутылки с недорогим вином – на самом вечере

пить никто бы не осмелился, но потом, когда большая часть учеников разойдется, можно будет где-нибудь собраться и тогда...

Почти последним в зал вошел высокий светловолосый парень. Он поприветствовал всех, помахав рукой, и девочки, увидев его, как по команде, бросились поправлять прически и наряды. Ничего не предприняла только Старшенькая, которая спокойно продолжала возиться у столов.

– Лукин, опаздываешь! – Кто-то окликнул вновь прибывшего, но Лукин не ответил, он смотрел на дверь. Мимо него проносились озабоченные девочки, что-то спрашивали, но Лукин был рассеян и отвечал с неохотой. Только когда в зал вошел модно одетый парень, на лице Лукина отразилось некоторое напряжение. Словно он не ждал человека, а хотел убедиться в том, что тот не придет. И теперь прикидывал, как себя вести.

– Я думал, ты сегодня у себя в школе будешь, – заметил Лукин, обращаясь к вновь прибывшему другу.

– Был ровно двадцать минут, – ответил тот смеясь.

Вошедшего звали Вадим, и он до странности был похож на друга. Тоже высокий – приятный лицом, но смуглый и с темными волосами. Он казался вечно загоревшим. Друг Анатолия Лукина был его ровесником, жил неподалеку, но в школу ездил на Садовую-Кудринскую. Там он углубленно изучал сразу два языка – английский и немецкий.

Приятель сел на длинную скамью, которая стояла вдоль стены и, пока вечер не начался, болтали о пустяках. Когда наступила пауза, Лукин спросил:

– Твоя Тамара тебя поздравила?

– С чего это она моя?! Не моя она вовсе! – ответил Вадим.

– Сам же говорил, что она бежит за тобой. – Лукин покраснел, произнося это.

– Я сказал, что она цепляется ко мне. – Вадим засмеялся.

– Какая разница. Я думал, ты сегодня там будешь, у себя в школе.

– Нет. Скучно. – Друг пожал плечами.

– А здесь весело? – Лукин хмыкнул.

– Тебе жаль, что я приехал? – Вадим в упор посмотрел на друга.

– Фигню говоришь, я просто спросил. – Лукин еще больше смутился. И стало ясно, что ему был неприятен приезд друга.

– А Тамарку я Восьмого марта тоже поздравлю, – равнодушно бросил Вадим.

– Она будет рада, – осторожно предположил Лукин.

– Ну и что. Она мне – не очень. Ну, в общем, так себе. – Вадим кого-то искал в зале взглядом. Лукин это заметил и расстроился еще больше. Он попытался отвлечь Вадима разговорами о занятиях, о новой книге, хоккейном матче, который вчера показывали по телевизору, но приятель его не слушал и по-прежнему смотрел в сторону девочек.

– Что это они так галдят? Что-то там случилось? – спросил Вадим, улыбаясь.

А между тем девочки всерьез переполошились.

– Девчонки, что делать?! Для Вадима нет подарка! Как мы забыли, что он к Лукину придет? И поздно уже! Не придумаешь ничего! – Староста Любарская громким шепотом забила тревогу. Одноклассницы подхватили панику.

– Да, неудобно. – Старшенькая закончила нарезать белые салфетки и прислушалась к разговорам о подарке. – Может, какую-нибудь безделушку найти в классе?

– Не надо. – Младшенькая вдруг вмешалась в разговор. – У меня есть одна вещь. Брелок с маленькой меховой игрушкой. Папе подарили, а папа – мне. Но я ключи на нем не ношу. Он совершенно новый. Давайте его подарим?

– Молодец, вот это дело! – Любарская с важным видом похвалила Младшенькую. – Вот, кстати, сама и подаришь. А то у нас все мальчишки расписаны. Каждая дарит кому-то подарок и читает шуточные четверостишия.

– А у меня нет стихов. Что же я этому вашему Вадиму буду читать?

– «Бородино» Лермонтова прочитаешь, тоже хорошо, – пошутил кто-то. – Девочки, надо начинать, а то потанцевать не успеем.

Любарская захлопала в ладоши, привлекая внимание и умиряя зал.

– Мы начинаем наш вечер, посвященный празднику. Сейчас мы поздравим наших дорогих защитников и преподнесем им скромные подарки. Затем начнутся танцы, а кто любит сладкое и вкусное – просим попробовать наше угощение. Все сделано нашими девочками.

Раздались аплодисменты, один из мальчиков захихикал, его пихнули в бок, он упал, и началась кутерьма со смехом и шутками. И стало ясно, что весь график мероприятия нарушен, что можно сразу же начинать есть печенье, пить компот и переходить к танцам.

– Я тебя поздравляю, Лукин, – произнесла Старшенькая, вручая ему плюшевого уродца. – Будь сильным и честным защитником Родины.

– Спасибо. – Лукин взял невнятное существо, посмотрел на него и положил в карман, а потом спросил: – Танцевать хочешь?

Вадим Сорокко и Толя Лукин дружили с раннего детства, еще с тех времен, когда малышами до посинения возились в снегу.

– Вы знаете, он в таком виде приходит с горки, что штаны можно в угол ставить. Они все обледенелые! Сколько раз я просила: «Гуляй спокойно, как все дети!» – жаловалась одна мама другой.

– Это им только пять лет, что же дальше будет?! – кивала в ответ другая. – Совершенно неуправляемые, никого не слушаются!

Мамы немного преувеличивали – мальчики были ровно такими, какими им положено было быть в этом возрасте. И, что важно, между ними никогда не было стычек. А уж если они дрались, то никто об этом не знал – они никогда не жаловались друг на друга. Окружающие их принимали за братьев – они были очень похожи. Рост, комплекция, форма носа, глаза – сходство было во всем, кроме цвета волос и оттенка кожи, – Лукин имел белые, словно льняные волосы, Вадим был брюнетом. Разница имелась и в социальном положении – семья Лукина, по выражению его же мамы, была попроще. «У Сорокко все так затейливо! У них бульон – это консоме!» – иронизировала она, но это совершенно не мешало хорошим соседским отношениям. Более того, родители Вадима старались сделать так, чтобы ребята были всегда вместе – на каникулах их отправляли на море, зимой они с отцом Вадима ходили на лыжах, летом – за грибами. В результате всего этого Сорокко и Лукин стали друзьями не разлей вода.

Однажды, когда Толе было десять лет, он нашел старую монетку. Монетка была истерта, к тому же по ней проехался трамвай. Разобрать, что на ней изображено, практически было невозможно. Но Толя монетку не выбросил, а принес домой и показал отцу. Отец отложил в сторону кроссворд и дал волю своему воображению и фантазии. Усадив сына перед собой, он рассказал ему о людях, которые когда-то жили на территории московских земель, о том, как они учились торговать, печь хлеб, строить дома и делать оружие. Отец Толи по памяти начертил древние границы Московского княжества, объяснил, что такое междоусобица и как обстояли дела с богами. Увлечшись, он изложил десятилетнему сыну содержание одной нашумевшей статьи из журнала «Наука и жизнь», которую в свое время обсуждали все образованные люди.

– Понимаешь, до прихода татаро-монгольского ига Русь была уже очень сильным и развитым государством. Был не только свой язык, а для народа это очень важно, но были сильные города с каменными домами. И крыши у них были не соломенные, а крытые черепицей. Уже были университеты, была армия, производили много всего и торговали со всеми соседями.

Толя это слушал открыв рот, а потом задал вопрос:

– А когда пришел хан Батый?

Его потряс рассказ отца, и еще большее впечатление произвела жестокость, с которой захватчики расправились с такой сильной страной.

– Понимаешь, Орда была не то чтобы сильной, она была многочисленной. А у нас всегда людей было не очень много. Ну и конечно, в рабство уводили, убивали. Вот, очень может быть, этой монеткой и расплачивались в те далекие времена.

Отец очень увлекся, рассказывая сыну об истории московских земель. Он что-то украсил, что-то добавил, где-то сгустил краски. Толя был ошеломлен услышанным. Они, конечно же, изучали в школе историю, но после рассказов отца мальчик всерьез заинтересовался предметом. В десять лет особенно много о Древней Руси не считаешь, но он записался в библиотеку, старался брать доступные книжки, участвовал в исторических олимпиадах. Вскоре вся школа знала о его увлечении. О чем бы ни заходила речь, если рядом оказывался Толя Лукин, все сводилось с русичам, вятичам и прочей Киевской Руси. Учительница истории, раздраженная неумным любопытством ученика Лукина, его стремлением высказаться, дополнить, добавить, а то и поправить ее, педагога, вызвала однажды в школу родителей и намекнула на некоторую одержимость их сына данной темой.

– Понимаете, так бывает в подростковом периоде. Иногда крен происходит в определенную область. Кто-то про инопланетян начинает рассказывать, кто-то постоянно цифры складывает. Может, психиатру показать мальчика?

Учительница была мстительной и глупой.

Отца возмутило ее предложение, он вышел из себя, накричал на историчку, которая, в свою очередь, побежала жаловаться завучу школы. Мать Толи всплакнула и повела сына в поликлинику.

Психиатр им попался умный и начитанный.

– Отличный парень, – сказал он, – сообразительный, все у него нормально. Вам радоваться надо – вдруг еще один писатель Ян растет!

Мать опять всплакнула и вспомнила, что первые карманные деньги ее сын потратил как раз на двухтомник этого самого писателя-историка Яна.

В школе со временем успокоились – учителя перестали раздражаться, однокашники, видя, что Лукин совсем не похож на затюканного умника, а превращается в рослого сильного парня, остерегались над ним смеяться. К тому же им, повзрослевшим, стало наконец интересно слушать, о чем он рассказывает. Если бы девочка, которая так нравилась Лукину, была бы чуточку взрослей, она бы отметила это его упрямство, дотошность, замкнутую решимость быть верным – не важно чему: слову ли, человеку ли, делу ли, – задумалась бы о том, как с ним можно будет жить и что он, в свою очередь, будет требовать от нее. Если бы эта девушка была бы постарше, она бы непременно задумалась о том, как этот парень будет себя вести, повзрослев. И всегда ли во благо будет его неумение и нежелание быть чуть гибче. Старшенькая, хоть и была наблюдательна, но ей не хватало взрослого опыта.

Дружба между Лукиным и Сорокко была предопределена. Они были разными, и это был залог их притяжения друг к другу. Каждый смотрел на другого, словно проверял правильность выбранных путей и целей. И каждый, глядя на другого, получал нужный ответ: «Да, именно я делаю все правильно!» Но такие вопросы задаются не каждый день, а потому в повседневной жизни друзья старались как можно больше времени проводить вместе.

Первые признаки разлада между ними появились только теперь, в десятом классе, и причиной этого была девочка с фиалковыми глазами и со смешным прозвищем Старшенькая. Лукин даже не подозревал, что он был влюблен в нее давно, с младших классов, когда верхом лихости было смахнуть с парты чей-то пенал со всем содержимым на пол и потом смеяться, наблюдая, как пострадавший собирает раскатившиеся ручки и карандаши. Толя Лукин это проделывал со всеми, кроме Старшенькой. Что-то останавливало его, что-то мешало ему быть с ней таким, каким привыкли видеть его остальные. В пятом классе он помог ей передви-

нуть парту подальше от окна и запомнил навсегда это приятное чувство собственного благородства. Он еще долго гордился собой и искал случая повторить подобный поступок. Правда, случая не представилось. Старшенькая всегда вела себя тихо, справлялась со всем сама, спокойно, не привлекая внимания: не бегала во время дежурства по классу со шваброй, как некоторые, не таскала огромными стопками учебники из библиотеки, – она все делала незаметно и быстро. Толя долго придумывал еще какой-нибудь благородный поступок и не заметил, как они повзрослели.

В один сентябрьский день он вышел из школы и побрел домой. Дорога была скучной – поболтать было не с кем, Вадим Сорокко задерживался на занятиях в своей школе. Толя шел, разглядывая давно изученные окрестности, и вдруг увидел свою одноклассницу, ту самую девочку с фиалковыми глазами. Она стояла у витрины универмага и смотрела на манекены. Манекены были высокими, худыми и фигуристыми, они были задрапированы в шелковые ткани, на головах у них были шляпы. Толя присмотрелся к манекенам, потом перевел взгляд на девочку с фиалковыми глазами и понял, что прежняя девочка исчезла, а появилась новая, точь-в-точь как эти манекены – высокого роста, стройная, с прямой спиной и высокой грудью. И волосы у нее стали будто бы другими – пышными. Теперь она не заплетала их в косы, а собирала наверх. Лукин даже обомлел от увиденного – вот так каждый день ходишь в школу, видишь ее, даже на физике сидишь за одной партой, а самого главного не замечаешь. Толя потоптался на месте, решая, как быть – подойти и заговорить или спрятаться в подъезде рядом. Но тут девочка повернула голову, увидела его и как ни в чем не бывало произнесла:

– Привет, зайдем в магазин, мне надо резинку для трусов купить.

Лукин обомлел не столько от приглашения, сколько от простоты, с которой упомянули резинку для трусов.

– Или подожди меня, поддержи портфель, я куплю, и пойдем домой вместе, – сказала она, так и не дождавшись от него ответа.

Лукин молча забрал у нее портфель, а она легко взбежала по ступенькам и скрылась в магазине. Сначала Толя попытался прикрыть ее портфель своим, чтобы одноклассники, если будут идти мимо, не увидели его, потом решил поставить рядом, на крыльцо магазина – вроде стоит тут портфель, просто так стоит, а он, Лукин, рядом, и отношения к нему не имеет. Пока он так размышлял, девочка уже вернулась, забрала портфель и произнесла:

– Спасибо, он такой тяжелый, ужас просто.

– Ну и чего тогда?! Давай понесу! – пробасил Лукин, и так начался его роман со Старшенькой.

Тяжелее всего было рассказать об этом другу. Ну вот как вы себе представляете, встречаются два серьезных мужика, и один другому говорит: «Ты знаешь, я вот тут портфель одной помог донести!» Вполне вероятно, что он получит ответ: «Ну и что!» И дальше уже не объяснить, что, кроме портфеля, который он теперь носит каждый день, есть еще ее глаза, ее улыбка, волосы. И наконец, фигура. Как другу рассказать о том, что увидел?! Да никак. А потому лучше молчать и делать вид, что ничего не происходит. Толя Лукин и молчал. Каждый день он теперь провожал Старшенькую домой и радовался тому, что у нее такое ласковое прозвище. Сам бы он никогда не посмел назвать, например, Иру – Ирочкой или Свету – Светочкой. А тут и решаться не надо, за тебя все сделали ее родители.

– Старшенькая, ты завтра на физру идешь? – спрашивал он.

А она как ни в чем не бывало отвечала:

– Иду. Завтра же лыжи.

И он радовался не только тому, что на уроке физкультуры, который будет проходить в лесу, можно долго побыть вдвоем и никто не помешает, но и тому, что можно ласково обратиться к девушке, которая нравится.

Ровно два года Лукин пытался ответить на вопрос: а как же к нему относится Старшенькая? Он анализировал ее поступки, слова, улыбки, но так и не пришел ни к какому выводу. Спросить ее напрямик Лукин не догадался. Скорее всего ему это и в голову не пришло. В его понимании любовь была похожа на изюм в шоколаде – одно от другого неотделимо, имеет смысл есть сразу. Другими словами, ни к чему раскладывать на составные части уже крепкую конструкцию. Лукину казалось, что вот эта жизнь – вместе в школу, из школы, телефонные разговоры по вечерам, частые встречи вне школы – должна сама по себе привести к какому-нибудь результату. Надо просто подождать. Но в конце девятого класса нарушилась гармония, которой наслаждался Толя. Лукин отлично помнил, в какой момент это случилось и с какого момента появилась настоятельная необходимость знать наперед планы друга.

Вадим и Толя возвращались с футбола – они любили погонять мяч на площадке у школы. Был май, осталось всего два экзамена, потом должно было наступить последнее школьное лето.

– Завтра поеду за учебниками по английскому. – Вадим, разгоряченный бегом, вытер пот со лба. – Съездишь со мной? Потом заглянем в книжный, а позже можно будет пошляться по парку.

Только Лукин собрался ответить, как вдруг они оба увидели Старшенькую. Толе было достаточно одного мгновения, чтобы понять, что надо как можно быстрее отвлечь внимание Вадима. Толя даже не успел удивиться собственной интуиции, собственной сообразительности.

– Черт, дыра! Слышишь, воздух шипит. – Толя сунул мяч в лицо другу.

Но Вадим отстранился, он смотрел на девушку и ничего не отвечал. Тогда Толя набрался мужества и внимательно глянул в ту же сторону. И картинка предстала такой, какой сейчас ее видел Вадим: шла девушка, в которую срочно надо было влюбиться. Никакие определения, эпитеты и сравнения не нужны были – навстречу им шла их любовь.

Дружба их стала другой, полной молчания, подозрений, догадок и открытий. Меж ними воцарился мир, похожий на неначатую войну. Еще не ведутся военные действия, но бряцает оружие, закладываются мины, сушится порох. И главнокомандующие стоят, хмурятся, жалеют друг друга, но ждут момента, когда сделаются окончательными врагами.

В этом возрасте несовпадение желаний и возможностей всегда воспринимается болезненно, особенно если к этому добавляется раннее и сильное чувство. Толя Лукин помнил, как он тогда ненавидел время – оно было против него, да и против Вадима, но о друге тогда не думалось. Думалось о себе и о том, что он ничего сейчас не может сделать – он слишком молод, да что там молод! Он – мальчишка! Он не имеет представления, как это делается, как произносятся эти слова – «Выходи за меня замуж!». И имеет ли он право на них, и будет ли иметь право через год, после окончания школы? Все эти мысли сводили с ума, и не осталось прежнего Лукина, который развлекал Старшенькую по дороге домой. Рядом с ней теперь шел угрюмый, желчный, недовольный и подозрительный парень. Девушка удивлялась, присматривалась, старалась успокоить его, но делала только хуже.

– Что с тобой? – спросила она однажды. – Если тебе неудобно идти со мной – не ходи.

– Почему – неудобно?

– Ну, мало ли... – Она пожала плечами. – Ты такой странный стал. Я только хочу сказать, что ты не обязан ходить со мной. Понимаешь, ты можешь ходить один. Или с кем-то еще. Но не надо только так себя вести – мне все время кажется, что я в чем-то виновата.

Лукин вдруг испугался – еще немного, и они поссорятся. Из-за своей ревности он забыл самое простое правило отношений – надо, чтобы с тобой было хорошо. Чтобы человек не считал минуты до твоего исчезновения, надо, чтобы он ждал с нетерпением твоего появления. Лукин опомнился от этих ее простых слов: «Мне кажется, что я в чем-то виновата!»

– Ты не виновата. Просто... Просто родители цепляются...

– А, – она рассмеялась, – это бывает. У меня тоже – чем ближе к экзаменам, тем строже. Ну, пока? Завтра увидимся?! – Она улыбнулась, а у Толи просто гора с плеч упала. Как он мог, такой дурак, вести себя с ней так?! Как он мог быть грубым и угрюмым?! Нет, завтра, он будет совсем другим! И Толя Лукин теперь притворялся сразу с двумя – с лучшим другом и с девушкой, которую любил. Виной всему были ревность и страх потерять Старшенькую.

Вадим Сорокко привык быть первым. Он почти отлично учился, иностранные языки усваивал быстро, был обаятельным и умел хорошо говорить. Он был в хороших отношениях с ребятами из двора, с одноклассниками, со всеми, с кем приходилось пересекаться. При этом его нельзя было обвинить в приспособленчестве или угодничестве, просто он умел пойти на контакт почти с любым человеком. Конечно, эта черта проявилась в нем уже в юношеские годы. В детстве же драки до первой крови были обычным делом.

В старших классах он очень похорошел – обычная вроде бы внешность вдруг стала очень выразительной. В его лице появилась мужественность. Но не это было главным изменением, которое произошло с ним в те годы. В нем появилось одно качество, которому сложно подобрать определение, – в нем появилось НЕЧТО. Больше и сказать ничего нельзя было. Но именно это «нечто» и стало привлекать внимание. «Я не знаю, в чем дело, но этот парень интригует», – очень непедагогически выразилась его учительница литературы в узком кругу.

Вадим как бы всего это не осознавал. Или удачно делал вид. Ему доставалось все легко. И жизнь его была вполне благополучна. Поэтому, когда он обнаружил, что девочка с фиалковыми глазами уже «занята», да еще не кем-нибудь, а лучшим другом, он был обескуражен. Жизнь его поставила в невыигрышную позицию – и влюбился он отчаянно, и ухаживать за спиной друга за этой девочкой не мог.

Сумасшедшие детские и юношеские влюбленности – нет, кажется, ничего более неловкого. Потом, в зрелости, вспоминается о них неохотно – уж больно много ошибок было сделано. Много неразумного, а потому и не помнится, и не видится то славное милое, что и составляло суть того времени. Времени, когда возраст позволял переживать и вместе с тем надеяться, что уж следующая любовь будет самой настоящей.

– В кино пойдем? – На одной из перемен Вадим подошел к однокласснице по имени Тамара. Кто-то ему сказал, что она в него влюблена. Вадим не был настолько внимателен, чтобы самому это понять. А симпатизировали ему многие, и за этим, как правило, стояла обычная дружба.

– В кино?! – Тамара даже покраснела. По ее выражению глаз, по тому, как она посмотрела в сторону, словно скрывала ликование, по ее голосу Вадим понял, что да, он ей нравится. «Она симпатичная», – только и подумал Вадим. Но даже если он очень постарался бы, он бы не выдавил из себя ни единого вздоха – Тамара, хорошая, влюбленная в него девочка, ему не нравилась, и перспектива провести с ней два часа – кино и небольшая прогулка – показалась ему вдруг ужасной.

– Я позвоню тебе. Я так спросил, просто чтобы знать... – Вадим что-то пробормотал, чувствуя себя придурком.

– Идиот! – воскликнула Тамара и скрылась в ближайшем классном кабинете.

Вадим только успел заметить, что походка у Тамары некрасивая, утиная. «Дура!» – думал он про Тамару. Ему было стыдно за этот разговор, но, как и бывает в таких случаях, винил Вадим пострадавшую сторону.

Больше никаких попыток познакомиться или поухаживать за девочками он не предпринимал. Он понял, что, пока есть та, с фиалковыми глазами, все попытки бесполезны. Вадим затаился и стал ждать. Он ждал, пока они закончат школу. «Это все детство. Как ни крути. Потом, потом, когда это все будет позади, когда начнется другая жизнь, тогда я и приму решение», – разумный Вадим обозначил себе сроки для решения самого важного вопроса, но это

благоразумие было вынужденным. Пожалуй, не было более тяжелого года, чем этот, последний школьный. И вроде думать надо было об экзаменах, о поступлении в институт, но все душевные силы уходили на тихое противостояние.

Двадцать третьего февраля Вадим не хотел заходить в школу к Лукину. Он понимал, что сейчас это будет неуместно, что его самого это расстроит, разозлит. Ведь он не сможет что-либо предпринять и останется зрителем. И все же он пошел. Пошел, чувствуя себя по-дурацки, словно незваный гость. Это определение было неприятным, он повторял его про себя почти всю дорогу, надеясь, что оно оскорбит его. Но этого не случилось – определение осталось определением, а желание увидеть девочку с фиалковыми глазами победило.

А в зале уже заиграла музыка, и девочки дарили подарки ребятам, которые хоть и выросли все под два метра, все равно глупо улыбались, получая плюшевых медведей и зайцев. Кто-то уже жевал печенье и ел торт, а кто-то танцевал – половину ламп предусмотрительно погасили, а под потолком крутился зеркальный шар. Вадим не заметил, как исчез Лукин, как он оказался около Старшенькой, которая очень долго ему вручала смешной подарок, смеялась, потом вдруг стала серьезной и утвердительно кивнула на какой-то вопрос. Вадим все понял, как только увидел, что Лукин обнял девочку за плечи и они принялись топтаться в такт модной заунывной песне. Ему надо было уходить, он это понимал – здесь был праздник одного класса, где все уже разбилось на пары, а одинокие не чувствовали себя одинокими, потому что были в своей привычной среде. Его здесь знали и хорошо к нему относились, но все равно вызвала недоумение его фигура, одинокая, неприкаянная. Вадим все понимал, но медлил – ему спокойнее было мучиться здесь, глядя, как Лукин танцует со Старшенькой, чем страдать дома, в одиночестве.

– Привет! – вдруг услышал он за своей спиной.

– Привет! – оглянувшись, он увидел Младшенькую. – Ты тоже здесь?!

– Да, мы же всегда вместе, как вы с Лукиным. – Младшая сестра улыбнулась, а Вадим почувствовал в ее словах намек. Хотя, впрочем, ему могло и показаться.

– Да, все верно, вы – как мы с Лукиным. Хотя, смотри, они танцуют, а мы – нет?! Надо исправить ошибку.

Вадим вдруг громко и весело заговорил и при этом почти не обращал внимания на девочку. Он говорил, словно обрадовавшись случаю, который позволил ему остаться здесь, вблизи Старшенькой, и не выглядеть жалким и смешным. Вадим не видел, как его собеседница вдруг залилась краской и смущенно посмотрела по сторонам. Он продолжал безостановочно говорить, словно усыплял ее бдительность:

– У тебя очень красивое платье. Наверное, из Англии, да? Я видел, отец из Англии маме каталог привозил.

Младшенькая промолчала, она уже понимала, что мужчине вовсе не обязательно знать, что платье мамино и выиграно в битве с сестрой. И вообще главное, не говорить про сестру. От нее уже полчаса не отходит этот Лукин, о котором по вечерам на кухне вздыхает мама: «Рано, очень рано для таких отношений!» А у нее, у Младшенькой, никого нет. Даже в ее классе мальчишки не смотрят на нее, хотя она намного симпатичнее большинства девочек. И вот сейчас этот красивый, модный и такой уверенный в себе парень так запросто с ней разговаривает. Да нет, он не просто разговаривает, он пытается понравиться ей. Если это не так, то почему он смотрит с таким значением, рассуждает о длине ее платья, о туфлях, о волосах, которые «очень красивы».

Младшенькая на всякий случай изо всех сил раскрыла широко глаза – она знала, что они у нее необычные, почти фиалковые. Такие глаза достались им с сестрой от мамы, и из-за таких глаз их отец влюбился когда-то в маму и увел ее у какого-то знакомого. Вот это история была! Мама о ней рассказала только недавно, когда они повзрослели. У Младшенькой захватило дух.

А вот эта встреча – это уже ее история. Это ее фиалковые глаза! Вот этот человек, этот герой, который перевернет ее жизнь. Младшенькой показалось, что у нее почти остановилось сердце, так оно запрыгало в груди.

– Что с тобой? Что у тебя с глазами? – Вадим вдруг на мгновение уставился на девушку.

– А что с ними? – Младшенькая опять взмахнула ресницами, предоставляя Вадиму возможность рассмотреть их знаменитые глаза.

– Нет, ничего, все хорошо. Мне показалось... Красивые глаза.

Младшенькая довольно улыбнулась, а Вадим продолжил говорить о своих занятиях английским и немецким, о том, куда он собирается поступать, где хочет работать, почему не слушает современную музыку. Вадим так много и так красочно говорил, что даже сам устал.

– Ну что, пойдем танцевать! А то проговорим все время. – Он наконец перевел дух и подхватил совершенно сбитую с толку Младшенькую.

Она сделала шаг навстречу и оказалась в объятиях Вадима. Ее сердце опять ухнуло, а потом, казалось, забилось ровно, в такт нежной музыки. Танцуя, Младшенькая поймала взглядом сестру, победоносно улыбнулась в ответ на ее удивленный взгляд и положила голову на плечо Вадиму. Не зря она боролась за мамино платье.

Вадим ее проводил домой. До самого подъезда и еще долго не отпускал. Он опять что-то рассказывал, но Младшенькая не слушала. Она только пыталась сообразить, за что именно ей влетит дома: за позднее возвращение, за то, что она придет одна, а сестра уже с мамой и отцом пьет чай, или ей влетит за то, что она на глазах у соседей час с лишним кокетничает с молодым человеком. Младшенькая выбирала нужный вариант ответа, а Вадим все говорил и говорил. Он даже сам отвечал на свои вопросы. Младшенькая уже замерзла, а Вадим ее все не отпускал.

– Мне пора, – наконец она вставила слово.

Вадим замолчал, словно очнулся от сна.

– Да, а может... – начал было он, и тут вдруг в арке двора показались Лукин и Старшенькая, которые тоже не спешили домой.

– Да, да, конечно! И мне пора идти, – как ни в чем не бывало сказал Вадим. – До свидания.

Младшенькая, совершенно сбита с толку таким ответом, не двинулась с места.

– Ну вот и хорошо, вместе ушли, вместе пришли, – рассмеялась старшая сестра, подходя к подъезду. – Вадим, мы завтра решили сходить в кино. Только с билетами проблема. Фильм новый в «Стреле». Пошли с нами, попробуем прорваться?

– Хорошо, – ответил Вадим, – созвонимся.

Младшенькая промолчала, Лукин вдруг обнаружил развязавшийся на ботинке шнурок, а Старшенькая, открыв дверь подъезда, скомандовала:

– Пошли, нам сейчас влетит!

Из-за захлопнувшейся двери ребята слышали ее смех.

– Слушай, она в этом году оканчивает седьмой класс. – Лукин искоса посмотрел на Вадима. Тот промолчал.

– Ей четырнадцать лет, – не отставал Лукин.

– Почти пятнадцать.

– Ну, разница невелика.

– Ты так рассуждаешь, словно жениться следует сразу после похода в кино. Или, может, прямо после первого поцелуя? – улыбнулся Вадим.

Лукин растерялся. Он не знал, как ответить на этот вопрос. Он хотел бы жениться, но не мог.

– Мне все равно. Я просто сказал, – наконец произнес он. – Пока, увидимся.

Толя остановился у своего подъезда.

– Конечно, мы же завтра в кино идем! – улыбаясь, произнес Вадим.

– Да, идем, – кивнул Лукин. – Это еще не точно, надо сеансы узнать.

– Не волнуйся. Билеты будут. Я попрошу отца достать.

– Ну, тогда конечно, – невнятно ответил Лукин и скрылся в подъезде.

Вадим довольно улыбнулся. Вечер оказался не таким плохим – Старшенькая его позвала в кино. И не важно, что собирались они идти с Лукиным. Если бы она не хотела его, Вадима, видеть, она бы так не сделала.

Дома «пахло серой». Сестры это почувствовали сразу же, как только вошли в квартиру. Мать не ответила на их приветствие, а отец, вместо того чтобы поцеловать, сразу стал спрашивать про уроки.

– Пап, все сделано! – ответила старшая сестра. – Хочешь, мы тебе сейчас что-нибудь ответим.

– Не хочу, – отрезал отец. – Не хочу. И не хочу, чтобы мои дочери стояли у подъезда, на виду всего дома и целых полтора часа хихикали с какими-то мужиками!

Петр Никанорович был зол – это чувствовалось по его тону.

– Петя, не волнуйся, тебе нельзя. – В комнату вошла мать с извечной семейной присказкой.

– Я не буду волноваться, если я всего этого не буду видеть. И скажи, почему наши дочери считают возможным носить подобные платья?! Это не платья, это кофточки. Платье они забыли надеть.

– Девочки, идите к себе. Потом обо всем поговорим. – Маруся кивнула им. Петр Никанорович сердился только тогда, когда был нездоров. Его гнев и раздражение были обращены не на тех, кого он ругал, а на себя, на свой возраст и болячки. Дочери его расстроили, но не настолько, чтобы так сердиться. Просто в этот день у него случился приступ, о котором давно предупреждали врачи. И этот приступ был тревожным симптомом. Петру Никаноровичу теперь требовалось ответить на вопрос: когда он наконец ляжет на операцию?

– Пап, мы не гуляли долго. Мы были в школе, поздравляли мальчишек. А потом нас заставили убрать весь актовый зал, поэтому я и была так долго. Мы вместе были, только Младшенькой пришлось ждать меня – я выносила старые плакаты на помойку.

– Не надо говорить слово «помойка»! – поморщилась Маруся.

– А как надо говорить? Какое слово? – Младшая сестра с готовностью продолжила безопасную тему.

– Вынесли мусор. Можно и нужно сказать так. Всем все становится понятно.

– А что там этот делал? Вадим этот ваш?

– Ничего, он мусор тоже нес. – Старшенькая пожала плечами.

– Хорошо, хорошо, только, девоньки, снимите эти ваши кофточки.

– Папа, это платья... – Младшенькая рассмеялась.

– А чего ты отцу соврала? – спросила младшая сестра, когда они уже были в своей комнате.

– Пожалела его. Сама же видишь, он плохо себя чувствует. И он не понимает, как в четырнадцать лет...

– Почти пятнадцать!

– Ты всем так говоришь, и совершенно зря. Тебе пока четырнадцать. И не стоит водиться со старшеклассниками. И врать про возраст тоже нельзя.

– Кто бы говорил! Сама с этим Лукиным ходишь!

– Хожу. Слушай, ты же знаешь, мы дружим.

– Я тоже хочу дружить. Или мне нельзя?

– Можно, можно. – Старшая вдруг пожалела младшую. – Конечно, можно, в тебя еще знаешь как влюбляться будут. Ты у нас в семье самая красивая!

– Не ври!

– Я не вру. И ты сама об этом знаешь. Только вот родителей лучше не расстраивать. Папа болеет, сама же видишь.

– Вижу. – Младшенькая вытянулась на своем диванчике и замолчала. Через несколько мгновений она произнесла: – А он красивый, да?

– Кто?

– Как кто? Вадим!

– А, да. Он симпатичный, – ответила старшая и задумалась.

На следующий день в отсутствие отца Маруся ругала дочерей. Доставалось младшей, но старшую позвали, чтобы соблюсти равенство.

– Почему я узнаю о таких вещах? Почему мне такое рассказывают?! – Мать сделала ударение на слове «такое».

– А что тебе рассказали? – удивленно спросила младшая. Она пребывала в приподнятом настроении и даже не поняла, что ее ругают.

– А ты не знаешь?! Ты как вчера танцевала?

– Я?! – Тут дочь покраснела. – А как я танцевала?

– Ты же просто лежала на его плече?! Вы обнимались! Представляешь, мне звонят из родительского комитета и рассказывают, что моя младшая дочь танцует с каким-то посторонним старшеклассником и при этом лежит на его плече.

– Это же надо, как любят разносить сплетни! – легкомысленно воскликнула младшая.

– Для тех, кто рассказывает, – это сплетни. Для тех, о ком рассказывают, – это слухи. Нехорошие слухи.

– Мам, слухи могут и так просто распространять, – не удержалась старшая дочь.

– Могут. Но чаще всего случается иначе. Чаще всего что-то происходит, а потом уже рассказывают.

– Мам, что ты сердишься?! Там ничего такого не происходило. Был Вадим, ты его отлично знаешь. Он пришел к Лукину, чтобы помочь ему. Остался на наш вечер. Ему не с кем было танцевать, он мало кого знает. Младшенькая тоже скучала. И что такого? И на плече никто не лежал. Это все вранье.

Младшенькая посмотрела на сестру. Уже который раз она ее выручала. Защищала и оправдывала.

– Мне наврали? – Маруся внимательно посмотрела на старшую дочь.

– Да, – не моргнув глазом подтвердила та, – наврали. Знаю кто. Тот, вернее, та, чья дочь просидела на одном месте целый вечер и ни с кем не танцевала.

Старшенькая всем видом показала, что говорить тут не о чем.

Маруся растерялась. Старшая никогда не врала и вообще была очень правильной.

– Ладно, девочки! Все, что хотела, я вам сказала. Постарайтесь не давать повода для сплетен.

– Хорошо, мама. – Старшая ответила за двоих и поинтересовалась: – Можно я в кино с Толей пойду? Вадим с нами идет тоже.

Маруся задумалась. Против дружбы с Лукиным она ничего не имела. Главное, чтобы эта дружба не превратилась во что-нибудь еще. Вадим тоже был мальчик хороший, во всяком случае, и семья была приличная, и учился он хорошо, и времени зря на долгое гуляние во дворе не тратил.

– Иди, только предупреди, когда вернешься.

– Как только узнаю сеанс, так зайду и скажу. Билеты достает отец Вадима. Это какой-то фестивальный фильм.

Последняя фраза успокоила Марусю и расстроила Младшенькую. То, что в кино она не пойдет, было ясно и так – фильм был с возрастным ограничением «дети до шестнадцати лет не допускаются». Но ей во что бы то ни стало надо было увидеть Вадима. Она вчера так и не

подарила ему тот самый брелок с меховой игрушкой. Сегодня был отличный повод позвонить ему и потом увидеться. Свой домашний телефон Вадим ей не давал, но она еще утром подсмотрела его в записной книжке сестры.

«Так как же лучше сделать?! Спуститься вниз, когда они за Старшенькой зайдут? Или потом, вечером? Когда вернутся из кино. Нет, потом будет поздно. Мама с папой не разрешат выходить во двор. И что же делать?»

Она сидела над учебником и, вместо того чтобы учить параграф, мечтала о том, как все будет происходить, если эта встреча состоится. Она уже решила, что наденет свое голубое платье – оно так идет к ее глазам! И юбка там вся такая летящая, при ходьбе она открывает ноги, а пояс подчеркивает талию. У нее талия тоньше, чем у сестры.

Потом, сообразив, что на улице февраль месяц и без пальто на улицу не выскочишь, а под ним никто ничего не увидит, она расстроилась. Ей показалось смешным выходить в теплых рейтузах, в сапогах на пять минут, чтобы вручить эту мелочь. «Нет, пусть идут в свое кино. Я не хочу, чтобы кто-то еще был. Я хочу, чтобы он был один». Младшенькая уже перепутала все месторождения калийной соли, о которых только что читала в учебнике, она извертелась за столом, но так ничего и не придумала.

– Ты воротнички свежие к форме пришила? – послышался голос матери, и Младшенькую осенило: «В школе, надо встретиться в школе! Пусть он придет в школу! Да! Во-первых, я очень хорошо выгляжу в школьной форме! Во-вторых, на глазах у всех он придет специально ко мне. А я еще задержусь и спущусь к выходу позже. Чтобы все нас видели. Вот!» Она чуть не захлопала в ладоши.

Вадиму Младшенькая позвонила в тот момент, когда мать разогревала отцу ужин, а старшая сестра собиралась в кино.

– Здравствуйте, можно Вадима к телефону?

– Это я. – Голос был солидный, как у взрослого мужчины. У Младшенькой забилося сердце.

– Узнал, кто это? – Она решила пококетничать.

– А как же! – раздался смех. – Конечно, узнал. Мы же с тобой весь вечер проболтали.

Младшенькая польщенно засмеялась и попросила:

– Ты не смог бы завтра зайти ко мне в школу. Сразу после пятого урока.

– Хорошо, – без всякого удивления ответил Вадим, – если надо – зайду. Только буду чуть позже – мне же доехать надо.

– Конечно, конечно. Это очень хорошо, что позже. Я завтра дежурю по классу.

– Тогда – до завтра? – На том конце раздался солидный мужской смех.

– До завтра.

В этот вечер Младшенькая была ласкова с сестрой, похвалила ее наряд, предложила свою косынку, которую отец привез из Японии, и вообще была чрезвычайно добра ко всем. Она помогла матери приготовить торт. Намазывая коржи кремом, она думала: «А завтра у меня свидание!»

Запутанные отношения

В школу она примчалась раньше всех. Сестра даже удивилась – обычно Младшенькую надо было подгонять и торопить. Во-вторых, против обыкновения, свои волосы она не собрала в большой пушистый хвост, а заплела в тугие косы.

– Что это ты сегодня? – удивилась Маруся.

– Сказали, чтобы мы не нарушали форму одежды. И чтобы прически были как положено, – ответила младшая дочь.

На самом деле косы были заплетены, чтобы волосы стали волнистыми. А рано прийти в школу надо было по одной-единственной причине – чтобы сделать вид, что она сегодня дежурит и чтобы начать убирать класс. Тогда настоящая дежурная, которая придет позднее, поменяется с ней. И тогда все будет очень правдоподобно – Младшенькая знала, что школьные сплетницы не дремлют и кому надо обязательно заметят, что она тянет время и не уходит домой. К тому же старшая сестра может на это обратить внимание.

Младшенькая вытирала доску, когда вбежала запыхавшаяся одноклассница.

– Что это ты тут делаешь? – изумилась она.

– Дежурю.

– С ума сошла. Сегодня мой день!

– Точно? Я же расписание смотрела! Черт, значит, перепутала. Ладно, давай уж я сегодня подежурю, а ты – вместо меня.

– Давай, – обрадовалась одноклассница. Ей совершенно не хотелось задерживаться после уроков, чтобы проветрить класс, вымыть доску и поставить ровно стулья.

– Я сегодня дежурная, напомни маме, что буду позже. Чтобы не волновалась. – На перемене Младшенькая нашла старшую сестру. Та кивнула, снова удивилась: обычно такой предусмотрительностью Младшенькая не отличалась.

В этот день на уроках она вела себя тихо, не привлекая внимания. Не отвечала на шутки, не болтала с подругами – она представляла, как встретит Вадима, подойдет к нему и заговорит. Она представляла реакцию окружающих, их перешептывание и ухмылки.

Вот прозвенел звонок, закончился последний урок.

– Выметайтесь, убирать буду! – Младшенькая не спешила собирать свои учебники, а демонстративно стала вытирать доску, а потом загремела ведром, которое вытащила из стенового шкафа.

– Неужели и пол решила помыть?! – засмеялся кто-то.

– Надо буду – помою! И вообще не мешайся.

Наконец все ушли, Младшенькая заперла дверь на швабру, быстро собрала портфель и занялась своими волосами. Она распустила волосы, которые стали волнистыми, и стала делать прическу. «Так, надо расчесать и забрать назад, потом сделать хвост и подобрать все на макушку». У нее перед глазами стояла картинка из журнала. Младшенькая вытащила из портфеля несколько шпилек и примостилась у стеклянной дверцы шкафа с пособиями. «Конечно, это не зеркало, но лучше чем ничего!» – думала она, а ее пальцы бойко скручивали пряди. Через полчаса прическа была готова. Младшенькая заняла наблюдательный пост у окна – здесь отлично видно всех, кто входит на школьный двор. Вадима она заметит сразу и тогда не спеша спустится на первый этаж. Нет, она не сразу выйдет, она подождет, пока все заметят его у входа в школу.

Как всегда бывает в таких случаях, самый важный момент она пропустила. Она не увидела Вадима. Проглядела, отвлекалась на затяжку на чулке и пропустила, как он вошел в школьный двор. Она только почувствовала, что лучше ей спуститься, что лучше его ждать там, внизу. В конце концов, можно же сделать вид, что читаешь стенгазету или ждешь, когда откро-

ется школьная библиотека. Младшенькая кое-как смахнула с доски мел, спрятала швабру и помчалась вниз. Она спустилась как раз в тот момент, когда в дверях столпились ее подружки и вошел он, Вадим. Воротник его замшевой куртки был поднят, хотя это было явное щегольство, от февральского ветра воротник не защищал. В руках у Вадима вместо портфеля была папка. С такими папками ходили или студенты, или взрослые мужчины, но никак не школьники. И ботинки у него были на толстой подошве. Младшенькая чуть не застонала – Вадим выглядел так, как выглядели молодые люди, гуляющие вечером по улице Горького и которых когда-то называли стилистами. И вот он, такой красивый и взрослый, ждет ее. Она на миг замерла, потом пошла медленнее, словно и не видела его. Она окликнула какую-то девочку, что-то сказала ей про уроки, а потом словно внезапно посмотрела в сторону двери и воскликнула: «Ой, меня ждут!», и направилась к Вадиму. Она просто спиной почувствовала, как ее провожают десятки глаз – в вестибюле школы в этот момент было полно народу. Она шла улыбаясь и, подойдя к Вадиму, произнесла:

– Привет? Давно ждешь? Извини, задержалась. Еще одна минуточка, я пойду пальто возьму.

– Конечно, давай твой портфель, – произнес Вадим, и Младшенькая поняла, что это триумф.

Вышли они из школы, сопровождаемые все теми же взглядами и даже шепотом. Но Младшенькая словно ничего не замечала и вела себя так, как будто это вполне обыденное дело – молодые люди заезжают за ней каждый день, а потом еще и провожают домой.

– Я почему тебе позвонила – мне дали поручение, я а его не выполнила. Неудобно получается. – С этими словами она вытащила тот самый подарок, который должна была подарить на вечере.

– Спасибо! Но не надо было... – Вадим взял в руки брелок и улыбнулся.

– Ну, я им тоже говорила, что у тебя все такое есть. Но они меня не послушали.

С ее слов выходило, что неразумные десятиклассницы не прислушались к ней, опытной и сообразительной.

– Нет, спасибо, мне очень приятно. – Вадим так и шел с брелком в руке. – Ну, что у вас нового?

– Ничего! – ответила Младшенькая и тут же долгим и подробным рассказом опровергла сама себя. Всю дорогу до дома говорила она.

У подъезда она решила не задерживаться.

– Пойду, сегодня задали много. Пока.

– Пока. Спасибо еще раз.

Вадим явно что-то хотел сказать, но, видимо, раздумал, вместо этого он вдруг внимательно посмотрел на нее и спросил:

– У вас сегодня физкультура была, не иначе?!

– Почему это? – удивилась она.

– У тебя прическа – «взрыв на макаронной фабрике».

Сказав это, он махнул рукой и пошел прочь. Младшенькая, потратившая уйму времени на «модную прическу» из журнала, чуть не заплакала. «Ну, ничего, зато все сегодня видели меня с Вадимом! И потом, я могу встретиться с ним еще раз. Я могу сама к его школе подъехать!» Последнее ее вдохновило, как всякое действие, которое поможет исправить уже случившееся.

Смысл дней был обретен, и времени на зависть сестре не оставалось. Младшенькая теперь жила только возможными встречами с Вадимом. «Во-первых, я могу поехать на Садовую-Кудринскую и пройти мимо его школы. Как бы невзначай. Как будто у меня дела в этом районе. Потом он приезжает к Лукину. Можно узнать время – Старшенькая обязательно проговорится. Я могу во дворе в этот момент быть. Подкараулю его». Дальше этого мечты не шли.

Младшенькая не представляла, о чем они будут говорить, она вспоминала их первую встречу и надеялась, что Вадим возьмет все в свои руки. «Он знает, как себя вести, не то что этот Лукин. Или молчит, или бубнит про себя что-то. И что это сестра в нем нашла!» И дальше она сравнивала Вадима с мальчиками из класса, планировала отрезать волосы, но так, чтобы не заметила мама, и собиралась выпросить у сестры новые джинсы. Все, что касалось учебы, было забыто.

К ее удивлению, Вадим к Лукину не ездил.

– Слушай, что это Лукин все один да один? – спросила она как бы невзначай сестру.

– А с кем он должен быть? – удивилась та.

– Ну не знаю. С Вадимом, например. Они же дружили.

– Так и дружат, вчера мы гулять ходили, Вадим тоже. Только попозже, у него какие-то дела были. – Сестра как ни в чем не бывало уткнулась в книгу.

А у Младшенькой защемило сердце: «Он был здесь, возле нашего дома, а я даже не знала!» У нее в груди вдруг что-то вспыхнуло, а в голове закружилось то ли от гнева, то ли от паники. С ней такого еще не было.

– А почему ты мне не сказала?! – почти закричала она сестре.

– А что я должна была сказать?

– Что вы гулять ходили?!

Сестра с удивлением посмотрела на Младшенькую.

– Не знаю, почему не сказала. Наверное, тебя не было дома. Ты чего кричишь?

– Я не кричу, я спрашиваю! Ты иногда как банный лист ко мне цепляешься, а иногда просто обо мне забываешь!

Старшенькая уткнулась в книгу и больше разговор не продолжала. Младшей сестре оставалось только выйти из комнаты и хлопнуть дверь.

На следующий день Младшенькая встала в плохом настроении и целый день мучилась, не зная, как поступить. Очень хотелось позвонить Вадиму. Просто набрать номер телефона, поздороваться и... За время ночных мысленных диалогов она в этих, существующих только в ее голове, отношениях продвинулась так далеко, что теперь можно было целоваться и обниматься. Она рассеянно просидела все уроки и совершенно не хотела идти домой. Там она была на виду, там мама, которая читала по ней как по раскрытой книге, и сразу бы уловила что-то тревожное, и обязательно бы завела разговор, заставила все рассказать. А что она могла бы сказать? Что влюбилась в старшеклассника, что забыла про занятия, что она бежит за ним, а он ведет себя странно – то целый вечер напролет танцует только с ней, только с ней разговаривает, провожает и забывает напрочь, пока она сама не напоминает о себе! Младшенькая вздохнула – домой ей совсем не хотелось, ей хотелось с кем-то поделиться. Кому-то пожаловаться, и чтобы этот кто-то не оборвал ее дурацкой фразой: «Ты лучше об уроках думай!»

Она с тоской посмотрела на одноклассниц, которые беззаботно выбегали из дверей школы и, смеясь, шли домой, погулять или за мороженым в ближайший киоск. Ей же было тоскливо и очень хотелось увидеть Вадима. Младшенькая сделала круг по вестибюлю, остановилась у школьной газеты, прочитала что-то, ничего не понимая, а потом набросила на себя плащ и направилась к телефону-автомату. Вот монетка-«двушка» упала в металлическое нутро телефона-автомата, вот прогудел звонок, вот сердце Младшенькой ушло в пятки, а губы пересохли, вот сердце застучало громко-громко, и, наконец, в трубке раздался уже знакомый голос:

– Я слушаю.

Младшенькая вдруг захотела повесить трубку – так страшно ей стало. Она совершенно не знала, что сказать, и ей так не хотелось выглядеть душой, которая бежит за мальчиками. Она вдруг неожиданно скороговоркой произнесла:

– Вадим, здравствуйте! Так получилось, что я записалась на курсы английского языка, вы же знаете, что у нас в школе французский, но, к сожалению, у меня нет нужного учебника. Может, у вас есть?

Все это она выпалила на одном дыхании и, остановившись, вдруг решила, что Вадим ее не понял.

– Вадим, вы меня поняли? Мне нужны учебники английского языка! – повторила она и тут же пожалела о сказанном. Все ее обращение выглядело невежливым и при этом неестественным, придуманным. Вместо того чтобы поздороваться и поинтересоваться делами, что-то спросить, она выпалила заготовленную фразу. И все это было очевидно. «Дура! Просто дура! И веду себя как дура!» – подумала Младшенькая. В душе у нее все обмякло от сожаления и стыда. Ей захотелось бросить трубку.

Но том конце провода помолчали, а потом произнесли:

– Конечно, у меня есть учебник английского. И не один. И они мне уже не нужны. Только почему мы на «вы»?

– Случайно получилось, – пролепетала Младшенькая.

Вадим рассмеялся:

– Тогда ладно, а я уж хотел обидеться на тебя. Конечно, я дам тебе учебники. Правильно, что английским решила еще заниматься. Все-таки с ним сталкиваешься чаще. Я завезу тебе. Ты же будешь дома завтра вечером?

– Буду. – Младшенькая пыталась сообразить, как бы встречу назначить в другом месте, но не успела, потому что Вадим попрощался, объяснив:

– Бегу на футбол. У меня сегодня секция. Если бы не тренировка, сегодня бы все передал.

– Что ты, спасибо! Завтра – это просто замечательно!

Младшенькая повесила трубку, вытерла мокрые ладони и поднесла их к лицу – они пахли металлом. «Уф, завтра он придет к нам. Сегодня не может. Но он обрадовался мне – он засмеялся, когда узнал меня! Ура!» Она, счастливая, отправилась домой – надо было продумать, как одеться дома и что сказать маме, когда ей принесут стопку учебников.

После ужина Младшенькая походила вокруг матери и неожиданно воскликнула:

– У нас столько мусора на полу. Давай я подмету.

Мама внимательно посмотрела на пол, ничего особенного не увидела, но согласилась:

– Конечно, хуже не будет.

Младшенькая тщательно подмела, заодно повесила кухонное полотенце, которое вышила сама, потом протерла подоконник и выставила на него большую герань.

– Зачем ты это сделала? – удивилась мать.

– Так красивее. Мне вообще захотелось похозяйничать. Сейчас пойду убирать в гостиной.

– погоди, что значит – убирать?! Папа отдыхает! Ты же знаешь, он вчера вечером плохо себя чувствовал.

Петр Никанорович действительно болел и большую часть времени проводил у себя в кабинете. В доме никогда не шумели, не устраивали вечером громких разговоров и по телевизору смотрели только программу «Время».

– Мама, знаю. Я тихо пол протру. Пыль вытру.

– Сегодня убрали. И пыль вытирали. И скатерть на столе свежая. – Мать заметила, как Младшенькая влезла в шкаф за салфетками и скатертями.

– А если мне хочется такую? – Она достала яркую, расшитую красными нитями, болгарскую скатерть.

– Понимаешь, она красива, но не подходит на этот стол. Что ты вдруг такую деятельность развела?

Младшенькая и на этот раз ушла от ответа. Она поняла, что радикально изменить вид гостиной, в которой она собралась принимать завтрашнего гостя, не дадут. Она поняла, что мама не разрешит вытащить из бара красивые бутылки и расставить в художественном беспорядке на сервировочном столике. Она также не разрешит разложить журналы на английском

языке на диване – вроде их только-только читали да забыли убрать. Мама уже однажды назвала это интерьерной пошлостью и дешевкой. Но хотя бы большой блестящий поднос с сифоном и высокими бокалами можно поставить?! Пока Младшенькая как можно деликатней формулировала вопрос про сифон, мама произнесла:

– Завтра будете хозяйничать одни. Мы с папой едем к Овчинниковым. У них юбилей. Они в ресторан приглашают. Не знаю, как папа это выдержит, но, с другой стороны, ему надо развеяться. С людьми поговорить. И Овчинниковы обидятся, если мы не приедем. Шоферу я сказала, чтобы он заехал к пяти.

У Младшенькой аж дух захватило: «Это же надо! Как все совпало! Никого не будет, когда придет Вадим! Они останутся одни, они смогут поговорить! Они... Они даже могут поцеловаться!»

– Мам, не волнуйся. Все нормально будет. А папе и вправду надо куда-нибудь сходить. Нельзя же все время в своем кабинете сидеть.

– Он не сидит, он работает. Но все равно... – Маруся вздохнула. Здоровье мужа ухудшалось, и она всеми силами старалась его поддержать.

Ровно в пять родители уехали. Собирались так долго и так ворчали, что казалось, поездка не состоится.

– Муся, не хочу я никуда идти. Что я буду там людям настроение портить своим видом! – бурчал отец, а мать его уговаривала, доставала из шкафа костюмы и галстуки. Младшенькая все это время сидела в комнате над учебником. Она очень боялась, что все сорвется – что родители останутся дома и будет ужасная сцена, когда неожиданно придет Вадим с учебниками. Да еще обмолвится о курсах, на которые она якобы записалась. И надо будет потом объяснять все матери. Отца она не боялась, отец даже если и был недоволен, то не задавал неприятных вопросов.

Наконец в доме стало тихо. Родители уехали, оставив в своей спальне беспорядок – это было так необычно, что Младшенькая, походив по квартире, вернулась и все развесила по шкафам. Тяжелые, пахнущие одеколоном и чем-то лабораторным костюмы отца и материнские платья аккуратно разложила в пакеты – мать была аккуратисткой и упаковывала каждую вещь отдельно. Складывая тонкое платье, Младшенькая приблизила его к лицу и вдохнула запах детства. Сколько она помнила, от матери пахло именно так – пудрой, нежной, розовой, которая была рассыпана в большом стеклянном сосуде.

Дом был пустым и тихим, и Младшенькой отчего-то стало грустно. «Странно, почему людей любишь больше, когда их нет рядом. Когда они далеко. Наверное, потому, что боишься, что они больше никогда не появятся». Она едва не расплакалась, припомнив, что отец выходит к столу редко, обедает и ужинает у себя и всеми силами старается, чтобы они, дочери, не заметили, как он болен. Мать же никогда ничего не скрывала от них, и, как только врачи поставили диагноз, она предупредила:

– Сердце у отца в очень плохом состоянии. Могла бы помочь операция, но пока он слишком слаб. И потом, на нее еще надо решиться.

Сестры вели себя соответственно ситуации в доме, но младшей все равно не верилось, что с отцом может что-то случиться. Сейчас, после ухода родителей, она вдруг ощутила непрочность домашнего мира. «Как их жаль. И отца, и маму». Страх будущего одиночества охватил ее, и даже мысль о сестре, которая всегда будет рядом с ней, не помогла. Сестра ею пока воспринималась как часть обстановки, привычная глазу, о которую иногда стукнешь коленку, но без которой вполне можно обойтись.

Младшенькая, наведя порядок в спальне, вернулась к себе. Она посмотрела на часы и решила на то, что хотела сделать еще раньше. Она попыталась придать квартире, как ей казалось, современный облик. «Так, папина коллекция коньяков! Надо ее выставить на стол. Бутылки красивые. Потом журналы, которые так не любит мама. Потом сифон и высокие ста-

каны – они должны стоять тут же, рядом с бутылками». Она бормотала это и суежилась в гостиной. Ей хотелось, чтобы в комнате было что-то легкомысленное, что-то, что придало бы обстановке раскованное настроение. Она хотела, чтобы Вадим увидел, что она – современная, уже взрослая девушка и он вполне может с ней встречаться.

– «Как же надоело быть школьницей!» – воскликнула Младшенькая вслух, забыв, что минуту назад жалела о неизбежных переменах в семье, которые связаны именно с возрастом, с ее взрослением.

Наконец все было готово. Комната, потеряв вид классической гостиной, приобрела странный вид – не то комната отдыха в санатории, не то студенческое общежитие. В центр ковра Младшенькая водрузила два круглых пуфика – она их стащила у матери из спальни и решила, что на них и пригласит присесть Вадима.

Часы показывали шесть. «Ну, сейчас он должен уже приехать. Он же сказал – вечером!» – сказала она себе, причесываясь в ванной. Она чуть-чуть подушилась духами матери и, бросив напоследок взгляд на свое отражение, вслух произнесла:

– Не понаравлюсь – ему же хуже! – В голосе прозвучали угроза и преждевременная обида.

В семь часов она подошла к окну и стала внимательно смотреть на арку, которая вела во двор и к подъездам. Там, в темноте вечера, в желтом свете фонарей возвышались фигуры каменных львов, мимо них спешили жильцы. Они появлялись, пересекали двор и исчезали в темноте подъездов. Младшенькая им позавидовала – было что-то правильное в усталой походке этих людей, в их неторопливости – ведь обратный путь домой уже преодолен и у порога можно расслабиться, пройтись неторопливым шагом, остановиться, чтобы перекинуться парой слов с соседом. Было что-то привлекательное в этой законченности действия – день начался – день завершился, и он не прошел даром.

В восемь часов она сняла трубку телефона и зачем-то послушала длинные гудки, потом крутанула диск, потом положила трубку на место. Ей хотелось набрать его номер и просто узнать, зайдет ли он. Зайдет или ей можно расслабиться, снять эти узкие джинсы и надеть халат, пойти на кухню и слопать кусок запеканки, от которой она отказалась в обед. Ей захотелось включить телевизор, сесть в кресло и смотреть все подряд. Ей хотелось делать что угодно, только не ждать, она уже устала прислушиваться к звонкам поднимающегося лифта в подъезде.

В девять часов она прошла на кухню и, не зажигая свет, стоя почему-то на одной ноге и облокотившись о шкаф, выпила два стакана молока и съела пачку печенья «Юбилейное». Потом заглянула в холодильник и прямо руками подхватила кусок картофельной запеканки с мясом и точно с такой же жадностью его съела. Все показалось очень холодным и безвкусным, и голод она не утолила.

В десять часов Младшенькая зашла в родительскую спальню и, присев на кровать, проверила, работает ли параллельный телефон. Убедившись, что все в порядке, она повалилась на бок и коснулась щекой жесткого стеганого покрывала.

В одиннадцать ее разбудили родители.

– А кто был у нас в доме?! – спросила мать, когда наконец Младшенькая открыла глаза. Она не сразу сообразила, что заснула, и теперь ее разбудили приехавшие из гостей родители.

– Никого, – ответила она и не соврала. Никто в этот вечер к ней не приехал и учебники английского не привез.

– А что это в гостиной? – Маруся развела руками.

– Я хотела, чтобы в доме было веселее, – только и ответила Младшенькая и побрела к себе в комнату.

Но как она ни старалась, заснуть не удавалось. Младшенькая лежала в темной комнате с закрытыми глазами, слышала, как пришла старшая сестра, слышала ее ровный спокойный голос, когда та рассказывала матери о том, куда они с Лукиным ходили сегодня вечером. Младшенькая позавидовала уверенности, с которой ее сестра рассказывала о своих отноше-

ниях с мальчиком. Не было ужимок, смешков, не было таинственных и глупых пауз. И мать в ответ точно так же уважительно и спокойно отвечала. Младшенькая почувствовала себя совсем несчастной – старшая сестра словно уже вырвалась из плена детства и опеки, она стала почти взрослой, отсюда и такое уважение со стороны взрослых.

– Ты представляешь, мама, сегодня Вадим нам показывал свои фотографии. Он сделал снимки гор, когда они с отцом путешествовали. Очень красиво. Вадим умеет фотографировать, хотя нигде не учился... – вдруг послышалось из гостиной.

Младшенькая не поверила своим ушам – вот, оказывается, почему не пришел к ней Вадим! Вот, где он был весь вечер!

– Вадим с вами тоже ходил? – спросила мать.

– Да, я его позвала. Он и согласился.

Младшенькая свернулась калачиком и заплакала. Нет, она даже не плакала, она скулила, как скулят щенки, которых бросили на произвол судьбы. Все, что с ней происходило, казалось теперь горем, одним большим и непоправимым горем. И ее поведение, дурацкое поведение выскочки, ее слова и поступки, ее стремление быть не такой, как все... Ей свое поведение уже не исправить, все равно все будут смеяться над ней, а мама поморщится от неловкости. И сегодняшний вечер с этой мелкой, как мама бы сказала, дешевой суетой – это тоже была она, неудачница во всем. И что толку в этих глазах, которыми все восхищаются? Прокру от них никакого, если в твоей жизни все идет наперекосяк. Младшенькая плакала, с головой закутавшись в одеяло, от избытка жалости к себе, она зачем-то гладила угол подушки и приговаривала: «Так мне и надо! Так мне и надо! Они все еще узнают!» Горе все не заканчивалось, и слезы все не заканчивались. И все же, несмотря на все ее расстройство, где-то очень далеко, где-то на дне души теплилась мысль, которая могла бы служить утешением: «А учебники Вадим, наверное, передал с сестрой». И хотя это выводило ее, Младшенькую, на чистую воду, от этого становилось легче.

Наутро она встала разбитой, с головной болью и температурой. Марусе было достаточно одного взгляда, чтобы распознать ангину.

– Молоко из холодильника, при твоих-то гландах, – только и произнесла она. Младшенькую заставили переодеться в теплую байковую рубашку, надеть на ноги колючие носки и полоскать горло каждый час. Ее поили брусничкой, калиной, медом, и ей делали легкую манную кашу, чтобы не навредить и без того раздраженному горлу. На пятый день температура не спала, и врач прописала уколы.

– Что-то на этот раз она очень тяжело болеет! – поделилась тревогой Маруся.

– Что вы хотите?! – улыбнулась врач. – Дело не только в ангине, дело в возрасте. Она у вас стремительно растет. Вот и еще у вас одна девица на выданье.

– Ты у нас герой! Не боишься уколов! – шутил с ней отец, словно ей было не пять лет и словно она была ребенок, которого необходимо утешать. Но она не возмущалась, в этот раз она болела с удовольствием. Ей нравилось быть несчастненькой, опекаемой, окруженной вниманием. Когда она лежала с температурой, она представляла себя героиней фильма или романа, заболевшей от любви и тем самым наказывающей неверного избранника. «Вадим наверняка удивится, что меня нигде не видно! – думала Младшенькая. – И в школе меня нет, и я не звоню. Даже когда он не пришел и не принес учебники, я не позвонила. Пусть, пусть помучится». Она осталась верна себе – ей нравилось играть роль.

– Ты заниматься думаешь? – поинтересовалась старшая сестра через три недели. – Температуры давно нет. У вас такая сложная программа, а ты бездельничаешь! Не нагонишь ведь!

– Отстань. Разберусь сама, – резко ответила Младшенькая. Она повзрослела за время болезни. В ее голосе появились новые интонации, она даже внешне переменилась – очень похудела, словно бы выросла и еще больше похорошела. На лице с красивыми фиалковыми глазами

обозначились высокие скулы, придававшие чертам утонченность. Все это произошло так внезапно, так неожиданно, что казалось, в доме появился другой человек.

– Почему так разговариваешь? – удивилась сестра.

– Как хочу, так и разговариваю, – отрезала Младшенькая.

– Жаль! Я хотела как лучше. – Старшенькая рассмеялась и вышла из комнаты. А Младшенькая посмотрела ей вслед и подумала, что иногда очень полезно болеть – узнаешь страшно много нового. Разговоры, которые по вечерам вела старшая сестра с матерью, были очень интересными. Младшенькая не узнала секреты, но поняла, что в отношениях надо прежде всего ценить себя. Ведь именно так поступает ее сестра.

В первый день своего полного выздоровления она дождалась, пока мать уйдет к знакомой, а отец закроется в своем кабинете. «Надо поторопиться!» – думала она, быстро одеваясь. Главной задачей было незаметно выскочить из дома – ей очень не хотелось надевать теплое пальто, а хотелось достать из шкафа легкий клетчатый плащ, который они с матерью купили совсем недавно.

– Это тебе на весну. На теплую весну, когда уже не будет снега, когда зацветут деревья.

Сейчас на улице была весна, но Младшенькая так тяжело переболела, что мать ни за что бы не отпустила ее в плаще на улицу. А может, и вообще бы не отпустила. А ей очень надо было сегодня уйти из дома.

Пока Младшенькая болела, ее переживания по поводу Вадима отошли на второй план. «Ну и что, что он не принес учебники! Не смог. Лукин его отвлек чем-то, дела у них могли быть какие-то, занятия. Ну, не из-за сестры же он не приехал! Она вообще здесь ни при чем. Вадим дружит с Лукиным, а не с ней! Конечно, он мог позвонить, но не позвонил, потому что был занят, а когда опомнился, уже поздно было. Он – человек воспитанный, он поздно звонить в дом не будет!» Она все это несколько раз повторила про себя и наконец поверила своим домыслам. Она собралась продолжить осаду Вадима. «Я хочу его увидеть. И чтобы он увидел меня. Так, невзначай, случайно. Вот представим, я поеду... А зачем можно поехать на Садовую-Кудринскую?! Вопрос. Ну, допустим, я заказываю экскурсию в планетарий. Он как раз там находится. Точно, я туда еду по делам, и мы случайно встречаемся!» Так был найден смысл жизни на то время, пока она болела. Младшенькая придумывала себе наряд, потом речь, слова, которыми она встретит якобы случайно Вадима, столкнувшись с ним на улице. Потом она соображала, как бы ей отстричь челку – сделать это совершенно необходимо, ведь она теперь взрослая. Младшенькая так расфантажировалась, что Маруся даже забеспокоилась:

– Дочь, что с тобой?! Ты такая рассеянная, такая невнимательная!

– Все хорошо, только спать хочется, – отвечала та.

– Это очень хорошо, пей таблетки и ложись. Я закрою дверь и никого в твою комнату не пущу. Спи. Сон – это лучшее лекарство.

Мать задерживала шторы и плотно прикрывала дверь. Младшенькая, довольная уединением, без помех предавалась мечтам.

И вот это день настал. Она быстро оделась, вышла в прихожую и оттуда крикнула отцу:

– Пап, я в школу, узнать домашнее задание и списать варианты контрольной по алгебре! –

Она подождала, выйдет ли отец, но тот только пробасил в ответ:

– Иди, дочка, осторожней улицу переходи.

– Ох, уж этот папа. Словно мне пять лет, – пробурчала она, тихо раскрыла большой стеной шкафа и вытащила новый плащ.

«Как же хорошо я в нем выгляжу!» – подумала она, затянула потуже пояс и выскочила из квартиры. У нее было совсем немного времени, а успеть надо было до двух часов во Вспольный переулок, где находилась школа Вадима. По двору Младшенькая прошмыгнула как мышка, потом глухим переулком прошла к остановке, и тут ей повезло – троллейбус подошел сразу. В салоне почти никого не было, и Младшенькая этому обрадовалась, словно ребенок. Она взяла

билет и, тихонечко пошмыгивая носом, устроилась у окна. Сейчас уже она не думала о Вадиме, сейчас было уютно ехать, смотреть по сторонам и чувствовать себя совсем взрослой.

– Это не свидание, но все же встреча! – сказала она сама себе и погладила рукой сумочку. Ее она стащила у матери – цвет натуральной кожи совпадал с клеткой плаща.

«Влетит! Влетит от мамы!» – подумала она, но совершенно не расстроилась.

Доехала она быстро, в те времена пробок в Москве не было. Выйдя на остановке, она замешкалась – не могла решить, как лучше пройти к школе: через двор старого сталинского дома или по самому Вспольному переулку. «Интересно, как он обычно ходит?!» Младшенькая взглянула на свои часики и поняла, что до окончания уроков осталось всего пять минут. И за это время ей надо добежать до школы, чтоб уж наверняка встретить Вадима. Она выбрала короткий путь – через двор, промчалась мимо изумленных бабулек, мимо кричащих детей и выскочила прямо к воротам школы.

Уроки закончились, и шумные стайки расхристанных по случаю весны учеников носились по двору. Кто-то прятался, чтобы покурить, кто-то, болтая, стоял у высокого крыльца, кто-то что-то кричал, размахивая портфелем. Младшенькая юркнула за старую сирень и там притаилась. У нее бешено колотилось сердце – она боялась, что ее могут увидеть если не с улицы, так с верхних этажей школы. На всякий случай Младшенькая влезла в гущу ветвей и замерла. Она щурилась, пытаясь разглядеть идущих мальчишек, потом вышли ребята постарше, но десятиклассников видно не было. Младшенькая пошевелила затекшей рукой, переступила с ноги на ногу и тут же зацепилась колготками за ветку. «Все! Новые немецкие колготки! Мама же предупреждала!» Она вспомнила слова матери: «В обычные дни можно носить простые эластичные колготки. На выход всегда должен быть тонкий капрон естественного телесного цвета!» Она и покупала дорогие, немецкие, из тончайшего капрона колготки, которые берегли для выходов в театр или на школьные вечера. И вот сегодня она порвала последние. Младшенькая попыталась рассмотреть длинную «стрелку», но у нее ничего не получилось, она, мысленно махнув рукой, опять посмотрела на ворота школы. И тут увидела его. Он шел один, чуть отстав от одноклассников, которые его окликали.

– Ты идешь?! – слышала она их голоса.

– Нет, у меня дела, – отвечал Вадим, но шаг не изменил, шел так же неторопливо, прижимая рукой папку с учебниками. Он выглядел совсем взрослым, непохожим на десятиклассника. Выражение лица у него было грустным, но Младшенькая все равно замерла – он казался ей таким красивым, таким недостижимым, таким принцем, что сердце у нее сжалось и захотелось расплакаться от обиды. Ну почему она такая еще маленькая, несмотря на свои почти пятнадцать лет! И что такое пятнадцать лет?! Ничего! В них нет ничего, кроме мечты, которая отличается непостоянством неясного желания, которое иногда пугает, и страха, что возраст, который даст свободу, так никогда и не наступит.

– Ты что здесь делаешь?! Зачем кусты ломаешь?! – громко окликнули ее.

Младшенькая вылезла из зарослей и, покраснев от смущения, попыталась объяснить, но бабка, спугнувшая ее, уже громко ворчала на весь маленький переулок, привлекая внимание. Младшенькая видела, что Вадим остановился, оглянулся на них, мгновение выждал, а потом быстро пошел в сторону Садового кольца.

Возвращалась домой она на метро – там можно было затеряться, потонуть в гуще людей и сделаться незаметной. Младшенькая гадала, видел ли ее Вадим? «Конечно, видел! И все слышал – бабка орала как резаная из-за этой сирени. Но почему он не подошел?!»

– Привет! – через пять дней Вадим встретил Младшенькую у школы. В руках у него были учебники.

– Английский еще актуален? – спросил он, всматриваясь в ее лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.